

В. А. СОЛОВЬЕВ

РУССКИЕ ВОРОТА

В. А. СОЛОВЬЕВ

РУССКИЕ
ВОРОТА

Краснодар
«Советская Кубань»
2000

УДК 947
ББК 63.3 (2)
С 60

Данная работа увидела свет благодаря спонсорской помощи директора гостиницы «Центральная» Юрченко Е. И., начальника отдела кадров ОАО «Курорты и туризм» Остапенко Т. Е. и Фонда культуры кубанского казачества (атаман Конограй Н. М.).

Соловьев В. А.
С 60 Русские ворота. — Краснодар: «Сов. Кубань»,
2000. — 64 с.: фотогр.

ББК 63.3(2)
УДК 947

В своей новой книжке историк-краевед В. А. Соловьев, используя редкие и труднодоступные источники, осветил борьбу русского государства за выход к незамерзающим морям.

ISBN 5-7221-0330-6

© В. А. Соловьев, 2000 г.

*«И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать».*

А. П у ш к и н, «Тазит».

*«Плох тот народ, который
не помнит, не ценит и не любит
своей истории».*

В. В а с н е ц о в.

Анапа... Немного осталось в России мест, чья история уходит в глубь веков и тесно связана с современностью. Такова древняя Анапа со своими Русскими воротами.

Анапа... Еще в старой, царской России ее передовая общественность уже знала, что под этим наименованием скрывается маленький городок, слепленный из одноэтажных каменных домишек на высоком обрывистом мысу, омываемом с двух сторон волнами Черного моря. Посетители Анапы, а это люди в основном среднего класса, на котором держится цивилизация во всех передовых странах мира, и разнесли по всей России славу анапского лечебного климата и очень популярного в свое время, а ныне забытого, виноградолечения.

Но особенно стала известна Анапа в годы советской власти, когда все лечебницы, а они до этого были частными, по закону о национализации перешли в собственность народа, что и позволило детям рабочих и крестьян отдыхать и лечиться на благословенных берегах Причерноморья.

С тех лет и вошла Анапа в историю СССР как курорт в основном с детскими лечебницами и многочисленными пионерскими лагерями. Прекрасный многокилометровый пляж, омываемый ласковым морем, над которым почти круглый год сияет ослепительное солнце, чистый и сухой воздух и лечебные грязи лечат многие болезни лучше всяких, даже ныне модных импортных медикаментов. Славится и своими виноградниками, раскинувшимися на окружающих ее пологих холмах. Но более всего Анапа славится своей многовековой историей, истоки которой скрываются где-то в начале человеческой цивилизации.

Проходя через Приморский парк, гости Анапы — туристы или просто отдыхающие — всегда обращают внимание на огромный куб, сложенный из тесаных камней, с восточной стороны которого на каменных «лафетах» лежат стволы старинных пушек, отлитых из чугуна. Над входом под своды «куба» белеет мраморная доска с надписью: «Русские ворота 1854», а слева от входа вторая доска, на которой высечено:

Крепостные ворота.
Остатки
турецкой крепости,
построенной в 1783 г.,
названы русскими
в честь 25-летия
освобождения Анапы
от турецкого ига
в 1828 году.

Такими видят гости города оборонительные ворота некогда довольно грозной крепости-города Анапа, которые вошли в историю России под наименованием «Русские ворота».

Многое видели на своем веку камни «Русских ворот», многое могли бы они рассказать... Они видели, как направлялись на анапский невольничий рынок обремененные богатой добычей степные и горские феодалы после набега на соседей или на южные поселения русских людей. Тут гнали плетками ясырь, захваченных невольников — парней и девушек, мужчин и женщин. Около молодой матери, цепляясь за ее юбку, брели утомленные дети — это значит вся семья попала в плен, а отец, или убит или пропал без вести. Парни и мужчины идут связанными, женщины и девушки идут свободно. За ними особенно зорко смотрят новые владельцы, чтобы, не дай Аллах, не заболели, не спали с лица, не потеряли красоту, иначе убыток будет на рынке. Бородатые покупатели зорко присматриваются к живому товару, высматривая здоровых работников, красивых детей и девушек, хотя они и будут со стыдом и плачем прятать свое лицо от жадных глаз, но купцы сразу высмотрят изъян. Надо беречь товар, Аллах акбар!

Помнят камни ворот и душераздирающие крики детей, отрываемых от матерей, за которых они цеплялись в ми-

нугу расставанья. Горькая доля доставалась им... Мальчи-ков ожидала участь навечно забыть свою родину и попасть в школу янычар или мамлюков далекого Египта. Парней и мужчин ждали рудники или галеры, откуда не было возврата, а лиц женского пола, какой бы они национальности ни были, ожидало только одно — гаремы азиатских и африканских стран.

Многое видели камни Русских ворот.

Судя по старинным чертежам и работам старых историков, фортификационные сооружения Анапы были далеко не первоклассными, но сама она по своему политическому значению на Северо-Западном Кавказе была очень вредной, что и потребовало от России нескольких походов армейских корпусов и даже эскадр военно-морского флота. История не сохранила сведений, чтобы какая-то другая неприятельская крепость потребовала со стороны соседей такого пристального внимания и такого привлечения сил и средств к ее ликвидации. Четыре раза русские войска взрывали и ломали оборонительные сооружения Анапы, однако Османская империя, учитывая ее стратегическое положение в деле воздействия на горцев Кавказа, всякий раз Анапу восстанавливала с одновременным усилением ее фортификационных сооружений: бастионов, куртин и ворот, одни из которых и сохранились до наших дней.

Еще в бытность командиром Кубанского корпуса генерал-поручику Александру Васильевичу Суворову от дальней разведки было известно, что Анапа построена турками-османами на северо-восточном берегу Черного моря, севернее Хандерейских гор, недалеко от устья небольшой и болотистой речки Бугур (ныне Анапка). Место под нее было выбрано на скалистом мысу высотой до 10 сажений, омываемом с двух сторон незамерзающим морем, которое в древности называли Русским.

Другие, более полные и обширные познания об Анапе появились в истории после первых походов русских войск под ее стены, но древняя история города стала известной только много лет спустя, после того, как Анапа навечно вошла в состав Российских городов. Вот тогда-то археологам и стало известно, что почти 2500 лет назад на возвышенном мысу у удобной бухты, на месте современной Анапы, возник город, остатки которого ныне находятся на глубине 2—3 метров от поверхности земли. Если в наши дни

спуститься к берегу залива между пляжем и морским вокзалом, то можно рассмотреть в обрывах прослойки золы и сажи — следы древних очагов или пожаров. Хорошо видны и следы строительных периодов города, а в дни зимних штормов счастливцы даже находят на прибрежном песке вымытые волнами обломки могильных и памятных плит, глиняных сосудов, древние монеты и фрагменты некогда прекрасных мраморных статуй.

Ученые установили, что в первые века своего существования город размещался на двух террасах: у моря и на возвышенном берегу. Со стороны суши город был окружен мощной оборонительной стеной, сложенной из огромных камней, вне которой лежал город мертвых, или некрополь (кладбище), где горожане хоронили своих покойников.

Как считают некоторые ученые, первым наименованием города было Синдская гавань, или проще — Синдика. Основали его синды, которые еще в V веке до н. э. имели свое государство и чеканили монету. Другие ученые полагают, что город был основан переселенцами из боспорских городов, и свое наименование — Горгиппия — получил от Горгиппа, сына боспорского царя Сатира Первого, жившего в IV веке до н. э.

Была ли Горгиппия основана заново, или город был восстановлен на руинах синдского поселения, история ответа не дает. Впервые Горгиппию упомянул историк древнего мира Страбон, еще в начале I века н. э., причем назвал он ее столицей синдов, население которой состояло из торговцев, моряков, корабельщиков и грузчиков. Официальным языком в городе был греческий, что подтверждают найденные на территории Анапы могильные мраморные и каменные плиты с высеченными на них надписями на греческом языке.

Различные источники говорят о том, что Горгиппия являлась крупным портом, через который экспортировался в Грецию хлеб, выращиваемый местными жителями. А так как в городе были металлургические, камнерезные и другие мастерские ремесленников, то Горгиппия являлась одновременно не только одной из пограничных крепостей Боспорского царства, но и ее торгово-ремесленным центром, которым управлял наместник боспорского царя.

В конце II века до н. э., после восстания рабов под предводительством Савмака, Горгиппия, как и все города Бос-

порского царства перешедшая в руки римлян, по-прежнему продолжала процветать. Торговые связи ее расширялись, ремесла и различные промыслы развивались, что подтверждается найденными общественными постройками храмов, святилищ, складов зерна и резиденций.

В конце 30-х гг. III века Горгиппия, как и все города Боспорского царства, подверглась нападению готов или алан, и больше никогда так и не смогла оправиться.

В VI веке Византия подчинила себе все причерноморское побережье, построив на месте античных городов свои торговые пункты и защищавшие их от пиратских нападений крепости.

В XIII веке походы крестоносцев к Гробу Господню ослабили Византию, которая и уступила гегемонию на Черном море молодой и более сильной Республике Святого Георгия или Генуе. Генуэзцы сразу же оценили удобное расположение развалин Горгиппии и без колебаний построили из ее камней небольшую крепость-замок с укрепленным торговым подворьем. На средневековых картах (Висконти 1318 г. и Каталонской того же времени) на месте современной Анапы показан населенный пункт «Мапа».

Шли годы, и со временем наименование «Горгиппия» было окончательно забыто, а «Мапа» изменено на «Анапа». О происхождении этого наименования много предположений было сделано еще в прошлом веке. Одни считали, что это производное от черкесских слов «ане» — стол, и «пше» — нос или конец, т. е. «анапе» — это столообразный выступ возвышенного мыса. И действительно, если посмотреть на Анапу с высоты птичьего полета или со стороны моря, то можно заметить, что между ее бухтами виден плоский выступ. Другие, как, например, известный разведчик начала прошлого века офицер Генерального штаба Г. В. Новицкий, утверждают, что «Анапа» — производное от турецких слов: «апа» — мать и «пай» — доля, т. е. материнская доля. Это одна из версий, связанных с переселением татар с Тамани и Крыма. Были и другие предположения.

Что касается аборигенов этих мест, черкесов-адыге, то они называли Анапскую крепость «Бугур-кале», по речке, которая уже многие годы известна под именем Анапка.

Сколько времени существовала генуэзская Мапа, история на это ответа не дает, хотя из документов, хранящихся в подвалах банка Генуи, Сан-Джорियो¹, известно, что закат

могущества Республики св. Георгия начался с конца XIV века, а вместе с этим и гибель ее приморских крепостей. Эвлия-эфенди, турецкий писатель XVII века, в своих записках отметил, что Анапа перешла под владение Османской империи при султানে Мухаммеде II, когда Кедук-Ахмет-паша был им направлен в 1475 году взять Кафу (Феодосию) и изгнать оттуда генуэзцев. Вот тогда паша по пути занял замок Анапу, и, перебив христианское население, оставил там небольшой гарнизон.

Сам Эвлия-эфенди посетил Анапу гораздо позже, в 1641 году по пути из г. Гонии (был у г. Батуми) в Азов, занятый донскими казаками в дни Азовского сидения. Эвлия-эфенди входил в состав свиты гонийского земберекджи-баши (начальника артиллерии), направленного султаном для изгнания казаков из Азова. Однако казаки, несмотря на то, что турецкая армия, осаждавшая город, была в 30 раз больше, все приступы турок отбили и оставили Азов только после отказа в помощи со стороны российского правительства, не пожелавшего ссориться с Османской империей.

Пробыв в Анапе несколько дней, Эвлия-эфенди сообщил о ней довольно кратко, что замок построен на оконечности глинисто-скалистого мыса, отделявшего земли черкесов от абхазов. Его оборонительные сооружения еще крепки, хотя замок донские казаки не раз брали во время своих морских набегов. В замке, имеющем пятиугольную форму, живет небольшое племя шефаков, которое платит иногда по принуждению налог-десятину таманскому наместнику, назначавшему в Анапу своего воеводу. При замке большая гавань, в которой может укрыться 1000 судов, связанных канатом.

Другой знаток Причерноморья Ф. К. Брун, комментируя Эвлия-эфенди, добавляет, что жители Анапы при захвате ее турками были христианскими черкесами из племени шегаки, при этом он ссылался на турецкого писателя Хаджи-Хальфа, жившего в первой половине XVII века.

Время показало, что местоположение Анапы очень удобно для ее связи с территорией Османской империи, что позволяло туркам в любое время усилить стоящий там гарнизон и оказать ему помощь продовольствием или боевыми припасами. Но если туркам местное население с занятием замка Анапа под их власть не попало, как этого туркам хотелось, то оно поддавалось их пропаганде, направленной против усиливающейся в этом регионе России. К тому

же: «Для турецкой аристократии Анапа представляла исключительный интерес, благодаря прочно установившейся и оживленной торговле невольниками и особенно черкешенками, долго служившими украшением турецких гаремов. Даже крымские татары широко пользовались этим источником для той же цели»².

После того, как турки-османы поняли, что с выходом российских войск на берега Азовского и Черного морей Крым и Тамань для них потеряны, они решили Анапу усилить более сильными фортификационными сооружениями, для которых была необходима свободная земля. Поэтому³ турки за подарки добились у местных старейшин разрешения на строительство крепости, хотя часть старейшин, как, например, Калабат, были против. А так как местные жители отказались участвовать в строительстве крепости, то турки наняли для этого ногайских воинов. Видимо, это была все же не крепость, а небольшой редут, прикрывающий невольничий рынок и купеческие лавки.

После того, как Россия полностью укрепилась в Керчь-Еникальском проливе, султан Абдул-Гамид I поручил коменданту крепости Суджук-кале, валы которой и ныне видны у г. Новороссийска на Малой земле, двухбунчужному³ Ферах-Али-паше построить в Анапе большую крепость. Мухаммед Гашим, секретарь паши, позже записал, что когда их отряд прибыл на мыс Анапа, то там они нашли только «остатки крепости генуэзцев». Место паше понравилось, и он уговорил местного владельца Магомед Гирей Зана уступить туркам анапский мыс под строительство гостиного двора. Но затем турки начали строить и крепость, для чего вновь были наняты в ногайских ордах молодые воины, которые под руководством инженера Хусейна-аги и построили крепость. Историки считают, что это было в 1781—1783 гг.

На старых планах Анапы видно, что первоначально крепость имела со стороны степи только оборонительный ров с валом длиной в 2222 локтя. С других двух сторон ее омывало море. Ров в глубину и широту достигал 4 сажени. Полных бастионов было всего 3, а ворот двое.

Сделав набег на Тамань, турки переселили все таманское городское население в Анапу, а так как оно стало испытывать нужду в воде, то турки приказали им рыть колодцы, а речку Бугур системой плотин заставили изменить русло поближе к Шегакским воротам, которые под

наименованием «Русские ворота» сохранились и ныне. Несколько позже в Анапу были переселены и жители османских городов, в первую очередь из Трапезунда, что и позволяло в короткое время построить в Анапе 3 мечети, 3 бани и 550 лавок и кофеен, которые, видимо, были в каждом доме.

Для прокормления служивых людей из состава гарнизона анапский паша отдавал им десятину от продуктов, получаемых от земли полосой на пушечный выстрел от городских батарей. Что же касалось местных князей и владельцев, то с целью их привлечения на свою сторону паша Ферах-Али платил им определенную сумму от таможенных сборов. Турецкие источники тех лет подтверждают, что «под руководством Ферах-Али-паши большинство черкесских племен приняло ислам», поэтому они только платили в казну законную десятину, а от других налогов освобождались⁴. Но, как показала дальнейшая история, турецкому паше, сидящему в Анапе, свободолюбивые черкесские племена подчинялись только периодически и зачастую с его требованиями мало считались. И тогда паше приходилось пускать в ход подарки или деньги, ибо применение воинской силы против свободолюбивых горцев заканчивалось для турок обычно конфузом.

В начале второй русско-турецкой войны (1787—1791 гг.) русская армия под командой генерал-аншефа⁵ П. А. Гудовича осадила Очаков, сильнейшую крепость турок в северном Причерноморье. Незадолго до этого А. В. Суворов, будучи командиром Кубанского и Таврического корпусов, проявив настойчивость и дипломатическую гибкость, сумел турок из всех городов и крепостей Крыма вытеснить.

С целью не допустить возврата турок в Крым, откуда они могли бы нанести удар по тылам русской армии, стоящей под Очаковом, президент Военной Коллегии генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин-Таврический приказал командиру Кавказского корпуса генерал-аншефу П. А. Текели (Текеличу), родом сербу, сделать набег на Анапу или Суджук-кале, которые для русского командования, несмотря на донесения разведки, в общем-то оставались мало известными.

Текели, получив приказ, принял решение сделать набег только на Анапу, ибо дорога к ней была менее трудной, чем до Суджук-кале, да и сил у него было недостаточно. Собрав войска корпуса у г. Георгиевска, главной квартиры наместника Кавказа, Текели в первых числах сентября

1788 года выступил вниз по реке Кубани к огромному древнему городищу Аджи-кале, где была удобная переправа в Закубанье.

19 сентября⁶ после строевого смотра и молебна войска, наведя понтонный мост в два парома, начали переправу. И с того года городище, где размещалась база корпуса, получило новое наименование — Петровский ретраншемент⁷ в честь имени Петра Авраамовича Текели. И ныне, несмотря на сильное наступление Краснодарского водохранилища, валы его еще видны в километре восточнее станицы Старокорсунской.

Одновременно к переправам через Кубань шел со стороны Азова довольно слабый Кубанский корпус под командой генерала Розена, который состоял всего из нескольких егерских батальонов и двух драгунских полков — Нижегородского и Владимирского, сохранивших боевой опыт, полученный ими от А. В. Суворова в бытность его командиром Кубанского корпуса (1778—1783 гг.).

За Кубанью после объединения войска шли медленно, хотя горцы особого сопротивления и не оказывали. Но 21 сентября сильная атака со стороны гор заставила Текели развернуть войска к бою и выдержать пятичасовой бой. Как пишут старые историки, в этом бою со стороны турок конницей командовал родной брат последнего хана Крыма Батыр-Гирей, а в отряде Текели казачьей конницей командовал его сын подполковник Селим-Гирей. Сын со своими казаками остался победителем и вынудил своего отца покинуть поле сражения с потерей знамени.

Выдержав еще несколько стычек, войска Текели вышли к Анапе, чтобы сделать попытку взять эту важную крепость. Построив вагенбург⁸, командующий направил полковника Германа с отрядом, состоявшим из двух батальонов егерей, бригадой драгун и волжского казачьего полка, провести 14 октября усиленную рекогносцировку, ибо по слухам, полученным от разведки, в Анапе находился сильный гарнизон, собранный противником России шейхом Мансуром в количестве сорока тысяч с многочисленной артиллерией.

Все эти дни, пока войска стояли под Анапой, турки вели себя тихо, но когда отряд Германа подошел к городскому валу на пушечный выстрел, турки внезапно ударили из всех пушек. В ту же минуту турецкая пехота, выслав на вал, подняла все свои знамена. По этому сигналу объеди-

ненный отряд турок и горцев с артиллерией, скрывавшейся до этого в лесистых ущельях, ударили Герману в тыл, а вышедшие из города янычары попытались отрезать его от вагенбурга. Положение спасли два батальона егерей и подошедший отряд генерал-майора Ратиева. Сражение, длившееся семь часов, закончилось уже при полной темноте.

На другой день Текели, собрав Военный совет, принял решение Анапу не штурмовать, ибо на это рискованное мероприятие у него не хватало ни сил, ни средств, в частности, штурмовых лестниц.

Простояв под Анапой еще несколько дней, в ходе которых войска были подготовлены к дальнейшему переходу, Текели отдал приказ на отход к российской границе.

Двухмесячный поход Текели к Анапе вошел в историю как первый серьезный наступательный поход русской армии в земли, подконтрольные Османской империи. Генерал Текели, которого А. В. Суворов очень высоко ценил, провел его с большой осмотрительностью и осторожностью, обезопасив российские границы на некоторое время от покушений турецких властей.

Следующий поход к Анапе был проведен новым командиром Кавказского корпуса генерал-поручиком Бибиковым Юрием Богдановичем. Будучи человеком смелым и предприимчивым, но несомненно и легкомысленным, он, совершенно не знакомый с местностью, решил сделать набег на Анапу в феврале 1790 года, когда в предгорьях и на равнинах еще лежали снега и подножного корма нигде не было. Оставив у редута Прочный Окоп (у г. Армавира) обоз, Бабилов перешел Кубань по слабому льду и, имея под командой около 7000 человек солдат и казаков при 26 пушках разного калибра, пошел в неизвестность.

Первые дни похода войска прошли спокойно, но далее, по призыву известного проповедника шейха Мансура, скрывавшегося тогда за Кубанью, сопротивление горцев и татар стало усиливаться. К тому же наступившая оттепель вызвала разливы рек и ручьев, и войскам пришлось брести по воде. А с наступлением ночи и обсушиться было негде, ибо дров не было, да и сухари кончались. Сено во вьюках тоже кончилось, и лошадей пришлось кормить ветками кустарников и рублеными рогожами. Но несмотря на все трудности, войска, преодолевая сопротивление противника и природы, сражались с большим мужеством.

21 марта, в самый канун светлого Христова Воскресе-

нья, после сорокадневного марша войска Бибикова вышли к Анапе и после молитвы остановились на ночлег. К несчастью, к утру погода переменилась, повалил снег, сменившийся сильным морозом, да таким, что в лагере замерзло много лошадей. Утром, с восходом солнца, войска подошли к Анапе более чем на пушечный выстрел и разбили свой лагерь. Два дня простоял Ю. Б. Бибиков со своими войсками под стенами Анапы, приводя себя в порядок после тяжелого перехода, а 24 марта решил провести рекогносцировку. Турецкий гарнизон вначале осыпал его походный штаб ядрами со всех бастионов, а затем, открыв ворота, вывалил толпами в поле. Горцы, до этого укрывавшиеся в горных лесах, заслышав пушечную пальбу, атаковали русские войска с тыла. Поставленные между двух огней русские солдаты и казаки, построив батальонные каре, встретили атакующих батальным огнем из ружей и из пушек картечью ближнего действия. Получив несколько залпов в упор атакующие разбежались: часть гарнизона во главе с комендантом укрылась в Анапе, а часть бежала в горы, чтобы затем укрыться за стенами приморской крепости Суджук-кале.

Участники этого боя вспоминали, что все поле вдоль восточного фаса Анапы было усеяно трупами турок и их союзников. Успех был полный, причем при преследовании бегущих турок казаки и драгуны перемешались с толпами беглецов, и тем быстро достигли оборонительного вала Анапы. Если бы Ю. Б. Бибиков решился в тот момент отдать приказ на штурм, то Анапу его войска заняли бы, войдя в нее буквально на плечах гарнизона.

Однако он этот момент упустил, а турки, опомнившись, захлопнули створки ворот, оставив в поле даже часть своих воинов, которые тут же казаками были сколоты пиками.

Под влиянием этой удачи Ю. Б. Бибиков решил на следующее утро Анапу штурмовать, однако двухдневная буря, со снегом и ледяным норд-остом, особенно в ночь на 26 марта, нанесла стоящим под Анапой русским войскам непоправимый урон, особенно в конском составе. Пострадали от ужасной непогоды и войска, стоящие в степи вне всяких укрытий.

Оценив создавшееся положение, Ю. Б. Бибиков приказал собрать Военный Совет, на котором большинством голосов было принято решение от штурма Анапы отказаться-

ся, ибо голод с холодом и недостаток сил и средств сделать это не позволяли.

Благодаря мужеству и терпению солдат и офицеров отход войск к Кубани не превратился в бегство. Днем они сражались, а ночью строили мосты и гати по пути отхода к кубанской переправе, по которой отходил ранее и Текели. Причем и с выходом к переправе страдания войск Бибикова не кончились. Не имея ни лодок, а тем более паромов или понтонов, войскам пришлось рубить лес и делать плоты, на которых и удалось переправить не только людей, но и пушки. К сожалению, кавалерийские, а тем более, и казачьи полки, как, например, Уральский полк, потеряли почти всех своих лошадей.

Узнав о бедственном положении Кавказского корпуса, Г. А. Потемкин приказал командиру Кубанского корпуса генерал-лейтенанту Розену срочно с обозом выступить навстречу Кавказскому корпусу, но разливы многочисленных рек задержали Розена, и он встретил Бибикова уже на правом берегу Кубани. «Офицеры и нижние чины, — донес он, — находятся в таком жалком виде, который выше всякого выражения; они все опухли от голода и истомлены маршами, стужей и непогодой, от которых не имели никакого укрытия. Солдаты и офицеры лишились в этом походе всего своего имущества и остались в рубищах, босые, без рубах и даже без нижнего белья, которое погнило на людях»⁹.

Императрица, узнав о несчастье, была возмущена чрезвычайно. «Я думаю, — писала она Г. А. Потемкину о Бибикове, — что он сошел с ума, держа людей сорок дней в воде, почти без хлеба; удивительно, как единый остался жив. Я почитаю, что немного с ним возвратилось; дай знать, сколько пропало, о чем я весьма тужу»¹⁰.

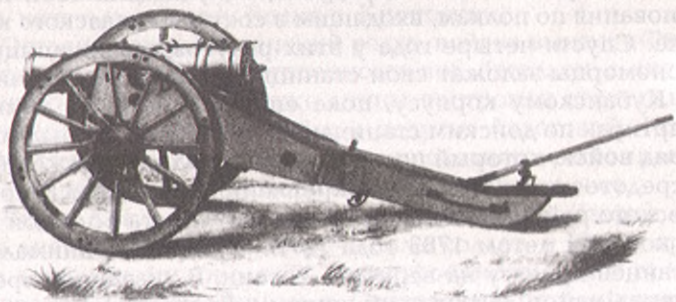
После следствия генерал Бибиков был отдан под военный суд и отставлен от службы, а все ходившие с ним к Анапе солдаты и офицеры были пожалованы серебряной медалью на голубой ленте с надписью: «За верность».

И первый, а особенно второй походы русских войск к Анапе создали ей, как среди турок и их союзников, а отчасти и среди русского общества, славу неприступной крепости. Русское командование с этим не могло смириться, поэтому Г. А. Потемкин-Таврический решил назначить командующим войсками на Кавказе генерал-аншефа Гудовича Ивана Васильевича, имевшего опыт осады сильных

Генерал-фельдмаршал И. В. Гудович.

Единорог полупудовой.

Единорог полупудовой.

турецких крепостей, в том числе и Измаила. Тогда, в декабре 1790 года генерал-аншефу А. В. Суворову, сменившему его под Измаилом в должности командующего, своей победой удалось не только заставить содрогнуться всю Европу, но и поставить Османскую империю на Дунайском театре военных действий на грань катастрофы. Но чтобы подтолкнуть турок к заключению выгодного для России мирного договора, нужно было нанести такой же удар и на востоке, где позиции турок оставались еще сильными.

Надеясь на опыт Гудовича, Г. А. Потемкин после приказа вступить ему в должность, требует по прибытии на Кавказ сразу же употребить особое старание к «открытию самой ранней кампании на Анапу, дабы истребить сие гнездо турок».

Прибыв на Кавказскую линию в г. Георгиевск в конце января 1791 года, Гудович начинает готовить подчиненные ему войска к походу. С этой целью в полках начинают заготавливать провиант, сушат сухари, перековывают в кавалерии и обозах лошадей, ремонтируют орудийные лафеты, и строят новые мундиры. Одновременно Гудович направляет к урочищу Темижбек авангард, который строит там опорную базу, ретраншемент, остатки валов которого и ныне видны у пос. Краснокубанского, что восточнее станицы Темижбекской. Здесь, на этих все еще высоких и крутых валах, ныне поросших деревьями, и проводил Гудович учения по приступу к Анапе.

В те же дни Гудович направляет два батальона войск с задачей построить на всем протяжении марша российских войск от урочища Темижбек до переправы через реку Кубань, которая планировалась у Красного леса, цепь небольших коммуникационных редутов, получивших свои наименования по полкам, входящим в состав Кавказского корпуса. Спустя четыре года у этих редутов казаки-донцы и черноморцы заложат свои станицы и куренные селения.

Кубанскому корпусу, пока еще стоящему на зимних квартирах по донским станицам, было приказано выделить отряд войск, который после спада вешних вод должен был сосредоточиться у Ейского укрепления (ныне село Щербиновского района), на поляне у правого берега Большой Еи, на которой летом 1783 года А. В. Суворов принимал от ногайцев присягу на верность России. В указанное время генерал-майор Загряжский привел к Ейскому укреплению

4 батальона пехоты, 20 эскадронов конницы-драгун, два полка донских казаков и 16 полевых орудий.

9 мая рано утром на степных просторах Прикубанья у Темижбекского ретраншемента Гудович провел смотр сосредоточенных там войск с целью проверки их готовности к походу за Кубань и далее, к все еще таинственной Анапе. Всего в строю стояло 11 батальонов пехоты, 1900 егерей, 24 эскадрона кавалерии (драгун и казаков) и 20 полевых орудий разного калибра. Всего под развернутыми знаменами пехотных полков и штандартами кавалерии в строю стояло немногим более 12000 человек.

После смотра войска под звуки полковых оркестров прошли церемониальным маршем мимо командующего и, не теряя строя, направились по древней дороге к урочищу Темижбек и далее вниз по Кубани, делая привалы и ночевки у уже построенных коммуникационных редутов. От урочища, где бурные воды Кубани, упираясь в твердые породы, делали резкий поворот на запад, войска, пройдя верст с пять, сделав привал у Мало-Темижбекского редута, ночевали у валов суворовской Павловской крепости, которую спустя два года Гудович восстановит под наименованием — «Кавказская», поселив под ее прикрытием одноименную станицу донских казаков. На следующий день через час марша, войска спустились в огромную лощину, урочище Сухой Дуб, где была старинная Романовская переправа, которой горцы пользовались при набегах на русские селения. Переправа получила свое наименование в память того, что здесь горцы во главе с князем Рослабком переправили захваченных в плен жителей донской станицы Романовской, в 1771 году, чтобы затем продать их в рабство. Здесь, у левого берега безымянного ручья, уже был построен редут, у которого Гудович планировал поселить казачью станицу (ныне г. Кропоткин).

Оставив позади Казанский редут, войска вышли к Тифлисскому редуту, перестроенному под батальон с двумя пушками, у которого позже донцы построили свою одноименную станицу. Далее были редуты: Ладогский, Усть-Кубанский и Воронежский, валы последнего сохранились в 4 км восточнее ст. Васюринской в Казенном лесу.

Через каждые два дня марша Гудович приказывал делать дневки, желая тем сберечь силы солдат, и 18 мая прибыл к огромному городищу, перестроенному в свое время генералом Петром Текели в Петровский ретраншемент.

Здесь Гудовича ожидал сюрприз. Несколько бжедугских феодалов, прибывших из-за Кубани, явились к нему в ретраншемент с просьбой принять их совместно с крестьянами в российское подданство. Как была разрешена эта просьба горцев, история сведений не сохранила.

Проходя через Карасунский Кут, войска сделали привал у Кубанского редута, построенного на месте суворовского фельдшанца Архангельского, входящего в состав укреплений Кубанской сторожевой линии. В июне 1793 года казаки-черноморцы, восстановив редут под наименованием Главно-Ореховатый кордон, собрали невдалеке от него 15 августа Войсковой Круг, на котором и было принято решение основать город Екатеринодар. Здесь Гудовичу вновь пришлось решать дипломатический вопрос, ибо к нему явились бжедугские князья Султан-Махмуд-Чобан-Киреев и Крым-Гирей, а также темирговец Кучмезук-Арсламбеков, которые тоже просили принять их подчиненными с им народами в российское подданство. На этот раз истории известно, что просьба горцев была удовлетворена.

Проведя дневку у валов бывшей суворовской крепости Марьинской (ст. Елизаветинская), войска, совершив дневной переход, вышли к Черному лесу, где и остановились ночевать. А на другой день, выйдя к старинному броду через Кубань, что был восточнее Красного леса, войска по приказу Гудовича стали лагерем, предварительно выставив круговое охранение.

Проведя личную рекогносцировку¹¹, Гудович приказал построить для прикрытия будущей переправы у обоих берегов Кубани тет-де-поны, предмостные укрепления в виде небольших редутов, вооруженных артиллерией. Одновременно войска начали заготовливать в Красном лесу материал для строительства причалов и паромов, особая команда была выделена для сбора наплавного моста на брезентовых понтонах, небольших плоскодонных лодок с высокими прямыми бортами.

В это же время у западной опушки Красного леса прибывший несколько ранее отряд от Кубанского корпуса тоже стал готовить переправу, которая вошла в историю, как «Талызинская переправа», по имени тогдашнего командира Кубанского корпуса генерал-поручика Талызина. Переправа была выбрана немногим ниже валов суворовского фельдшанца Римского, на месте которого казаки-черномор-

цы построят позднее Ольгинский кордон, вошедший в историю своей героической обороной границы в январе 1810 года под командой войскового полковника Льва Тиховского. Ныне казаки Кубанского войска, продолжая старинные обычаи, проводят ежегодно у братской могилы погибших казаков, первых пограничников Кубани, свои Тиховские поминовения. Забегая вперед, замечу, что и спустя много лет, до самого окончания Кавказской войны, эта переправа существовала, правда, уже под наименованием — Ольгинская.

После наведения понтонного моста и строительства паромов Гудович приказал взять сухарей на 40 дней и с рассветом 29 мая, после молебна у походных полковых церквей, войска начали переправу за Кубань. Ныне это район хутора Прикубанского. Первыми по мосту прошли казачьи конные полки, чтобы установить со стороны гор сторожевое охранение, а затем эскадроны драгун, что сразу же обеспокоило горцев. Протурецки настроенные князья под влиянием анапского паши начали проявлять активность на срыв переправы. С этой целью они начали посылать толпы воинов обстреливать проходящие по мосту войска, но когда казаки их отогнали, то с наступлением ночи горцы начали рубить растущие у берега Кубани старые вербы и бросать их в воду. Бурное течение полноводной в те дни Кубани подхватывало купы верб и прибывало их к понтонному мосту, грозя сорвать его с якорей. Создалось угрожающее положение, поэтому пионеры были вынуждены срочно развести мост и продолжить переправу только на паромах и лодках. Утром, после того как выше переправы был установлен особый пост, который должен был перехватывать плывущие вербы, мост навели снова.

Сохранившиеся документы умалчивают, сколько дней продолжалась переправа войск Гудовича, но, видимо, на это потребовалось несколько дней.

Оставив в предмостных укреплениях гарнизоны в количестве 422 человек с 8 пушками под командой подполковника Брауна, Гудович принял решение далее вести полки вдоль левого берега Кубани, в глубь Аушедских болот, пронизанных бесчисленными ручьями, по слегка возвышенной гряде, сжатой многоверстовыми болотами с непроходимыми зарослями камыша.

Будучи опытным полководцем в сражениях с турецкими регулярными войсками и иррегулярными ополче-

ниями — башибузуками, Гудович сразу же после переправы построил свои войска в каре, т. е. в огромный четырехугольник, в середине которого двигались обоз и пехота. Фланги и тыл он прикрыл драгунами, казаков же поставил в авангард.

И вот наступил тот, всегда важный момент в жизни войск, когда дежурный при корпусном штабе барабанщик по приказу начальства ударил сигнал — «генерал-марш», а спустя час — «по возам!», и тотчас заскрипели многие сотни колес палаточных ящиков и обозных фур, зазвенели на ухабах медные пушки — войска тронулись к Анапе.

В тот год лето, даже в его первые дни, выдалось сухим и жарким, ничто не обещало повторения трагических событий, сопутствовавших прошлогоднему походу к Анапе. Начался июнь, обычно теплый и ласковый месяц, но в тот год зной к полудню уже набирал такую силу, что болота Аушеда сразу же покрывались пеленой ядовитого тумана. По утрам за спиной солдат, идущих в ротных колоннах, в розовой дымке вставало пока еще благодатное солнце, спустя несколько часов обжигая вершины лесистых гор, что постоянно горбились слева от идущих войск, оно медленно двигалось в синеве кубанского неба, чтобы затем, как бы устав заливать жаром и светом здешние земли, медленно спуститься в еще невидимое море, оставив после себя только зловещее багровое облако.

Войска, идущие вне дорог, по мере возможности придерживались установленного Уставом Российской армии порядка движения. После 7 верст марша, на которые отводилось 2 часа, — 1 час отдыха; еще через 7 верст марша — 4 часа на обед и отдых; затем еще через 7 верст — 1 час отдыха, и пройдя последние 7 верст, т. е. оставив позади суточный переход в 28 верст, войска останавливались на ужин и ночной отдых.

Обычно на дневные привалы (биваки), а тем более на ночлег, войска останавливались у берегов речек и ручьев, где была проточная вода, т. е. там, где можно было напоить лошадей, порционный скот и набрать питьевой воды для артельных котлов, ибо полевых кухонь в те годы еще не было. Останавливаясь на ночной бивак, войска разбивали палатки. И тогда у вечерних костров ветераны Кавказского корпуса, поблескивая серебряными медалями «За верность», вспоминая прошлогодний неудачный поход к Анапе, пели в ожидании вечерних каш:

Мы кавказские солдаты
Да, ходим под руку с нуждой.
Эх! горем мы всегда богаты,
Да, носим ранцы за спиной.
Мы рогатую скотину
Да, прежде съели, ай-люли.
Эх! а потом и лошадину
Да заварили, запекли...
Вместо соли мы солили
Да, из патронов порошком.
Эх! сено в трубочках курили,
Да, распростившись с табачком.

Но это было в прошлом, ибо в новом походе снабжение провиантом было организовано очень хорошо.

За все дни похода дождей в Закубанье не было. Только иногда со стороны моря, куда шли войска, появлялись серые тучки, которые к полудню постепенно исчезали в пустынном и бездонном небе. Преодолев болота Аушеда, войска продолжали маршировать теперь уже строго на запад, вдоль вековых лесов предгорий Кавказа. Бесчисленные речки, текущие с гор, берега которых покрывали непролазные терновники, довольно сильно затрудняли движение войск. То фура на ухабе потеряет колесо, то палаточный ящик застрянет в промоине, то пушка грузно осядет в речке, и солдаты с веселыми криками добровольно бросались помогать артиллеристам выкатить ее на сухое место. Было несколько случаев, когда переправы через речки приходилось форсировать под огнем противника, который внезапно появлялся и так же, прикрываясь густыми лесами, внезапно исчезал.

Дальнейший маршрут Гудовича прошел южнее урочища Курки (район станицы Варениковской) к Кубанскому (Витязевскому) лиману, где его встретил идущий из Крыма под его команду отряд из Таврического корпуса генерал-майора Шица, везущий на фурах 90 разобранных штурмовых лестниц. На следующий день, сбив заслон турок и их союзников — горцев, Гудович переправил войска по навешенному понтонному мосту через болотистую речку Бугур (ныне Анапка), откуда Анапа уже хорошо была видна. Едва ли можно было найти в тот вечер среди российских воинов человека, который бы не рассматривал без тайного душевного трепета разбойничье гнездо, под валы которого

уже дважды подходили российские войска и дважды отходили к своим границам, не имея успеха.

В лучах заходящего солнца было видно, как над серыми бастионами и куртинами оборонительного вала торчали, как угрожающие персты, минареты мечетей. У распахнутых ворот города гарцевали толпы живописно одетых спагов, турецких кавалеристов, а на верхах вала стояли большими и малыми кучками янычары, угрожающе размахивающие ятаганами в сторону подходящих в облаках пыли русских полков.

Такой предстала перед глазами русских воинов Анапа, старинный город, на месте которого еще задолго до Рождества Христова уже звучал язык Гомера, Перикла и Софокла. Тут были в разные годы византийцы и генуэзцы, бывали и славяне, пока турки-османы по велению султана Мухаммеда II не захватили город, вырезав все его христианское население. С тех пор прошло много лет, и турки, назвав город Анапой и укрепив его сильными оборонительными сооружениями, превратили Анапу в главный опорный пункт своей экспансии на Северо-Западном Кавказе.

9 июня Гудович передвинул лагерь на четыре версты от Анапы, а 10 числа подвинул еще ближе, к самой Анапе. В тот же день он провел и командирскую рекогносцировку. Собрав генералов, проехал вдоль оборонительной линии города, осыпаясь со всех бастионов пушечными ядрами, и, возвратясь в вагенбург, составил диспозицию на блокаду Анапы с суши и моря. К ночи войска заняли указанные им места и приступили к осадным работам. Одни роты снаряжались для заготовки камыша, другие были направлены заготовливать хворост и лес, третьи начали земляные работы. Солдаты вязали фашины¹², плели туры¹³ и плетни, собирали штурмовые лестницы.

Отряд генерал-майора Загряжского, выделенный для прикрытия боевого порядка российских войск со стороны гор, состоял из драгунских эскадронов и казачьих пятисотенных полков: волгцев, гребенцов и хоперцев. Напомню, что Хоперский донской полк, принявший участие летом 1696 года под командой Петра I во взятии турецкой крепости Азов, войдя в 1860 году в состав Кубанского казачьего войска, стал его старейшим полком, по которому и стали отмечаться войсковые юбилеи.

Но в ту далекую июньскую ночь казаки, стоящие в аван-

постах¹⁴, слышали, как за их спиной, там, где горели костры, разложенные их станичниками, раздалась вначале тихо, а затем и громче старинная песня, которую напевали в своих дальних походах еще их деды:

Уж вы горы мои, горы турецкие,
Уж вы горы, вы горы мои турецкие!
Вы позвольте, мои горы, да под вами ночевать,
Под собою ночевать, да всю ноченьку не спать,
Да всю ноченьку не спать, службу царскую держать.

В ночь на 13 июня артиллеристы под прикрытием егерей заложили на перекрестке современных улиц Тургенева и Ленина первую батарею, на другую ночь заложили еще две батареи по линии ул. Шевченко и Новороссийской. На батареях насыпали ложементы¹⁵, выравнивали платформы под полевые пушки и единороги, устанавливали туры для защиты орудийной прислуги.

Конечно, турки не могли спокойно смотреть на то, что в какой-то полуверсте от города русские устраивают свои батареи. Поэтому они с утра начали обстреливать будущие батареи, а затем в количестве полутора тысяч сделали вылазку из Степных ворот, заставив в то же время горцев ударить со стороны гор. Прикрывавшие батареи егеря отбили турок огнем, а казаки, ударив в пики, отогнали горцев в леса.

В ночь на 14 июня батареи были вооружены по 10 полевых пушек и с утра открыли по Анапе огонь бомбами и ядрами, что заставило стоящие у пристани турецкие корабли спешно уйти в море. Раз за разом били по городу залпами батареи, пуская в город кроме бомб и брандкугели — особые зажигательные снаряды, сразу же вызвавшие по городу несколько пожаров. Турки ожесточенно били из тяжелых пушек по батареям, стараясь их подавить, а конница горских феодалов, внезапно выскакивая из заросших лесом лощин, в тучах пыли носилась с диким гиканьем вдоль постов сторожевого охранения, опасаясь попасть под пушечную картечь. «Пришли казаки с Дону, — кричали им вслед станичники, — прогнали татар до дому!»

19 июня, в полдень, когда русские батареи вели огонь «не часто, но цельно», Степные ворота Анапы внезапно распахнули свои створки, и по подъемному мосту из них вывалилась огромная толпа, размахивающая кинжалами и

ятаганами, во главе которой на коне ехал шейх Мансур в зеленом бешмете и большой белой чалме. С русских позиций было видно, как он вскинул вверх руки и что-то прокричал. Сквозь оружейную пальбу донесся такой яростный вой толпы, что егеря, лежащие в цепи невдалеке от оборонительного рва города, дрогнули и побежали к батареям. Турки преследовали их шагов 300, пока картечный залп с батареи № 1 не уложил их почти всех. Увлекаемый беглецами Мансур с десятком всадников ускакал в город. Ворота захлопнулись, прикрывшись подъемным мостом.

Позже солдаты, вспоминая этот день, сложили новую песню:

Под Анапой мы стояли,
Свое смерти ожидали.
Здесь дерутся, там несутся
Страшны бомбы с батареей.
Море Черное шумит,
С батареей огонь палит.
Все мы ружьем, турок душим,
А Анапа вся горит...

Закончился и этот день. Ночная мгла покрыла анапскую равнину, на батареях и бастионах пушки умолкли, и только огни русских биваков¹⁶ оживляли окрестности Анапы.

Утром 20-го числа, полагая, что «неприятель устрасился от бомб и пожаров», Гудович решил послать коменданту Анапы ультиматум с предложением сдать город на почетных условиях. Гудович торопился, ибо сознавал, что время работает против него. Во-первых, силы защитников с каждым днем усиливались, а во-вторых, он получил сведения, что в Турции готовится к выходу в море большая эскадра, которая доставит в Анапу боеприпасы, провиант и пополнение. Ему же с немногочисленным войском помощи ожидать не от кого. Но прежде чем отважиться на штурм, Гудович решил, как это за год перед этим сделал и великий Суворов при штурме Измаила, попытаться добыть Анапу мирным путем.

В тот день, когда солнце выглянуло из ночной мглы, турки снова увидели перед городом уже привычную для них картину русского вагенбурга и стоящие перед ним артиллерийские батареи. Турки с высоты городского вала

изумленно смотрели на молчащие русские батареи, хотя было видно, что у пушек дымились льняные фитили. Через какое-то время они увидели, как от ставки главнокомандующего, которая была на месте нынешнего пос. Алексеевки, направилась на рысях в сторону города небольшая группа всадников во главе с офицером. За ним сразу же ехали два драгуна: один с белым флажком на казачьей пике, а второй — с медным рожком. Резко осадив лошадей у Стенных ворот, драгуны остановились, трубач поднял рожок и до защитников города донесся гнусавый сигнал. Так Гудович послал свой ультиматум анапскому паше с требованием сдать город. Долго турки не открывали ворот, видимо, докладывали коменданту, сидящему в своем дворце. Неуютно чувствовали себя парламентары, стоя перед закрытыми воротами, глядя на скалящиеся рожи и что-то орущих турок с высоты вала. Но вот подъемный мост, ранее неподвижный, дрогнул и, страшно скрипя толстыми цепями, начал медленно опускаться на оборонительный ров Анапы. Следом дрогнули и створки ворот, чтобы выпустить двух турок, которые, перейдя по мосту к парламентарам, взяли пакет и тем же путем возвратились в город. Створки ворот захлопнулись, прикрывшись поднятым подъемным мостом, и для парламентаров и всех наблюдавших эту процедуру наступило вновь тягучее и тревожное ожидание.

История не сохранила сведений, на каком языке был написан ультиматум и как его прочитал паша, с толмачом или на родном языке. Вот он:

«Главнокомандующий во всем здешнем крае победоносными Российскими войсками генерал-аншеф, пришедший на овладение крепости Анапы, убегая кровопролития невинных, в ней находящихся, дает чрез сие знать командующему в крепости Анапы паше требует, чтобы крепость Анапская с находящимся в ней гарнизоном и жителями, видя непременное намерение Российских войск ко взятию оной, без чего они, конечно, не отступят, имея большие силы и великое число войск на овладение оной, сдалась Российским войскам на таком же положении, как сделала крепость Килия, мною взятая, то есть, чтобы высланы были тотчас ключи от крепости с чиновниками при письме командующего паши, для переговоров и постановления пунктов, чтоб после того войска Российские тотчас беспрекословно заняли крепость, со всеми пушками, зна-

менами, военными припасами, хлебом и всем прочим — принадлежащим Порте Оттоманской, кроме принадлежащего партикулярным людям. Затем командующему в крепости паше, гарнизону и живущим в ней туркам и другим дается полная воля идти и ехать через Суджук-кале в их дома, с женами, детьми и всем их имением и у военных людей с собственным их оружием, без всякого их принуждения, как тому свежий пример подала крепость Килия, которой войска и жители без пролития напрасно крови пошли свободно со всем своим имением в свои дома. Ежели же командующий паша, не усташась Всемогущего Бога, карающего за кровь неповинную, и страшного Его суда за будущее пролитие крови невинных, невооруженных жителей, жен и детей сей крепости не согласится на сие человеколюбивое и великодушное предложение — тогда я, имея перед Богом чистую совесть, поступлю с Анапою, как поступлено с Измаилом, без всякой пощады. Я ожидаю на сие скорого и решительного ответа. Июня 20-го дня 1791 года».

Комендант Анапы трехбунчужный Мустафа-паша хорошо помнил слова султана Селима: «Анапа — ключ азиатских берегов». Поэтому он колебался: принять ультиматум или отклонить. Но если комендант, сжатый суровыми обстоятельствами, опасаясь за сохранность своей головы со стороны султана за сдачу Анапы, а со стороны Гудовича — за ее несдачу, колебался, то лукавый и яростный Мансур, не колеблясь, настоял оборону города продолжать и отказ на принятие ультиматума выразить в оскорбительной для русского командования форме.

Напрасно ожидали драгуны-парламентеры у закрытых ворот Анапы. Янычары, взявшие пакет с ультиматумом, не возвращались, а время шло, причем для парламентаров оно под прицелом многочисленных ружей, торчащих с барбетов¹⁷ и куртин¹⁸ города, тянулось особенно медленно. Да к тому же с верков ворот, сохранившихся до наших дней, турки, злобно скаля зубы, размахивали ятаганам, выкрикивая проклятья неверным урусам.

Однако парламентары терпели, ожидая ответа коменданта, ожидали, не ведая, что тем временем ультиматум забивается в ствол пушки, стоящей на ближайшей к воротам батарее города, чтобы быть выстреленным в сторону ставки Гудовича. Пыхнув огнем и дымом, пушка выбросила клочья плотного пакета с ультиматумом, и тут же, как

бы вторя ей, какой-то нетерпеливый артиллерист тоже приложил свой пальник¹⁹ к запалу пушки, послав ядро в сторону русских позиций.

Поняв, что это ответ коменданта, парламентары, крутнув на месте своих лошадей, ускакали галопом к ставке Гудовича, осыпаемые запоздалыми, а поэтому и безвредными ружейными выстрелами.

Всю эту картину наблюдали не только егеря и мушкетеры передовой линии да стоящие у своих пушек артиллеристы, наблюдал это в зрительную трубу и сам Гудович. Поняв, что теперь его с Мустафой-пашой рассудить может только Бог, Гудович приказал артиллерии продолжать обстрел Анапы.

И снова над прианапской равниной загремела артиллерийская дуэль. Солнце уже опустилось в море, устав наблюдать за человеческим смертоубийством, ночная мгла окутала окрестности Анапы, а громовая пальба все не утихала. То на русских батареях, то на бастионах Анапы вспыхивала длинная молния, и светящаяся трубка бомбы прочерчивала огненную дугу на темном небе и где-то лопаясь, с резким треском выбрасывала огненную вспышку, на миг осветивши место падения бомбы.

А Гудович в те часы размышлял, ибо положение его было сложным. От заранее посланных в Анапу лазутчиков, как в те годы называли разведчиков, он уже знал, что в крепости размещен десятитысячный гарнизон турок. Там же находился потерпевший поражение в Кабарде «проповедник из дервишей, по имени шейх Мансур, подосланный Портою для возмущения горских народов против России, под предлогом распространения магометанской веры». Его стараниями и были собраны в Анапе до 15000 черкесов и ногайцев, ибо его влияние на умы мусульман приравнялось не к одной тысяче воинов, разместившихся в южной части города в шалашах.

Что ж касалось фортификационных сооружений Анапы, то они со стороны степи имели сухой оборонительный ров, а со стороны моря каменную стену, переходящую по мере возвышения береговых обрывов в каменный парапет²⁰. Разные источники дают противоречивые данные о их размерах. Но, судя по плану Анапы 1791 года, оборонительный вал имел длину более 1000 сажений, а стены с парапетом со стороны моря — в 750 сажений. Ширина рва, вырубленного в каменистом грунте и выложенного кам-

нем, достигала по верху до 9 сажений, а глубиной до 3 сажений. Вал с эскарпа²¹ тоже был выложен местным камнем, с тыла же крепился дубовым частоколом (тыном²²). Полных бастионов штабные офицеры насчитали три, ворот с подъемными мостами через оборонительный ров — тоже трое: Степные, Шегакские и Морские, выходящие к пристани. На бастионах и полубастионах насчитывалось до сотни пушек разного калибра. Главным в Анапе являлся его комендант, трехбунчукный Мустафа-паша, старый и опытный военачальник.

В общем перед войсками Гудовича противник был сильный, и числом и умением сражаться, особенно холодным оружием. И хотя он со своими войсками и блокировал Анапу, защитников ее было в два раза больше, осадной артиллерии он не имел, инженеров тоже, а с тыла был окружен многотысячными толпами горцев. В довершение командир Таврического корпуса сообщил ему, что напротив устья Днестра замечена турецкая эскадра, идущая к Анапе и ожидающая попутного ветра. Надо было рисковать.

Утром 21 июня Гудович собрал в ставке Военный совет, состоящий из главных начальников двух корпусов, генералов и полковников, которые единогласно приняли решение штурмовать Анапу. В тот же день во всех ротах и эскадрах был объявлен приказ Гудовича: «В сию ночь будет атака крепости». Но так как приказ был краток, то к нему только для старших офицеров было проложено «Наставление к производству атаки на крепость Анапу». Слабейшей стороной крепости Гудович считал фронт от среднего крепостного моста влево. На эту часть он и решил направить главный удар, подкрепив его атакой отрядом Таврического корпуса «самым берегом моря» с правой стороны, где море было мелким и допускало проход конницы. Охрана вагенбурга и тыла со стороны горцев была тоже важным участком диспозиции.

Гудович разделил войска на пять штурмовых колонн с тремя частными и одним общим резервом. Четыре колонны должны были атаковать Анапу с поля, а пятая — вдоль моря, по нынешнему знаменитому пляжу. Первыми двумя колоннами (слева) командовал генерал-майор Булгаков, третьей и четвертой — генерал-майор Депрерадович, а пятой — генерал-майор Шиц. Состав колонн был следующим:

1-я. 800 мушкетеров и егерей под командой полковника Чемоданова.

2-я. 800 спешенных драгун под командой полковника Муханова. При них частный резерв из 600 егерей и мушкетеров.

3-я. 800 егерей и мушкетеров под командой подполковника Келлера.

4-я. 800 мушкетеров под командой полковника Самарина. При них частный резерв 600 егерей и мушкетеров.

5-я. 700 казаков и мушкетеров под командой подполковника Апраксина. При ней резерв из 600 драгун и мушкетеров.

На первые четыре колонны выделялось по 12 штурмовых лестниц, а в 5-ю только 8. Кроме этого, каждая колонна имела по 12 солдат с топорами.

В общий резерв, под командой бригадира Поликарпова, выделялось 2000 егерей и мушкетеров; полевой артиллерии 16 орудий.

Против черкес, которые угрожали осаждавшим войскам Гудовича со стороны гор, назначался сводный отряд под командой генерал-майора Загряжского. Он состоял из 4144 человек при 12 полевых орудиях. Оборонительная линия, которую занял этот отряд, проходила в 2,5 верстах от Анапы, там, где ныне проходят улицы Промышленная и Чехова.

Приказом, объявленным одновременно с диспозицией, устанавливались время и порядок передвижения войск к крепости, время открытия и прекращения огня с наших батарей и атаки крепостных верков. Приступ должен был начаться перед рассветом следующего дня с таким расчетом, чтобы, овладев валом, войскам пришлось вести уличный бой в лабиринте кривых и узких улиц Анапы уже после восхода солнца.

Начальники колонн получили указание, сколько выделить солдат для забрасывания городского рва фашинами, сколько для подноса штурмовых лестниц и сколько для стрельбы по головам защитников города. Было сказано и о том, чтобы все, кто пойдет на штурм города, получили отдых. Офицеры и заслуженные унтер-офицеры собирали у костров солдат и рассказывали из суворовской «Науки побеждать», как надо вести себя в ночном бою и при штурме крепости. Ветераны вспоминали, как Александр Васильевич Суворов требовал перед боем или походом: «Каждый

воин должен знать свой маневр». Они рассказывали, что, готовя войска к штурму крепости, он учил: «ломи через засек, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы.

Стрелки, стреляй по головам! Колонны, через стены на вал, скальвай на валу, выравнивай линию, ставь караул к пороховым погребам, отворяй ворота конницам, неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, недосуг за ним ходить.

Приказ — спускайся в город, режь неприятеля на улицах, конница руби, в дома не ходи, бей на площадях, штурмуй, где неприятель засел, занимай площадь, ставь гауптвахт, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам. Неприятель сдался — пощада!».

Особо солдатам, недавним рекрутам, напоминали артикул воинский, подписанный Петром Великим в 1716 году, о поведении солдат в бою:

«Когда город или крепость штурмом будут взяты, тогда не дерзает, хотя вышнего или нижнего чина, церкви, школы и иные духовные дома, госпитали без разрешения или указу грабить или разбивать, разве что гарнизон или граждане в оном сдачею медлить и великий вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный... лишен будет живота.

Тажо де имеет женский пол, младенцы, священники и старые люди пощажены быть... под смертною казнью». Напоминали и о пленных: «Никто да не дерзает пленных, которым уже пощада обещана и дана, убити... под потеряннем чести и живота».²³

Гудович в тот вечер тоже не сидел в своем шатре. В виду грозных укреплений Анапы — гнезда разбойников, он душой чувствовал всю великую историчность этой душной южной ночи. Надев все свои ордена, он верхом в сопровождении адъютантов ездил по линии расположения своих войск и воодушевлял солдат и казаков рассказами о штурме Килии и Измаила, напоминал о тактических приемах, уже проверенных при взятии этих крепостей. Солдаты, слушая заслуженного полководца, кавалера многих орденов, вдохновлялись славой своих товарищей, кипели желанием предстоящего боя и обещали не только своим командирам, но и друг другу Анапу взять или умереть под ее стенами.

Черная южная ночь с 21 на 22 июня 1791 года окутала расположение русских войск и всю прианапскую равнину. Небо затянуло серой пеленой, сквозь которую тре-

План Анапы 1791 года.

можно мерцали крупные звезды, да луна бросала робкий свет на все то, что называется миром: на море, горы, землю, людей, ее населяющих, разрешающих свои споры через взаимное истребление. В ту ночь мало кто спал у лагерных огней. Офицеры и солдаты меняли белье по старинному обычаю, молились у походных церквей с просьбой сохранить им жизнь, меняли в ружьях и пистолетах кремни, и все тревожно посматривали в сторону грозных бастионов Анапы, невидимых во мгле ночи.

В городе, ожидая штурма, тоже мало кто спал, как воины, так и жители. Лежащие в сторожевом охранении егеря видели, как по куртинам, от бастиона к бастиону, ползали тусклые огоньки фонарей, сопровождавшие начальствующих лиц, да слышны были окрики турецких часовых, стоящих по веркам оборонительного вала.

Ровно в полночь над новой ставкой Гудовича, которая была на месте перекрестка современных улиц Заводской и Краснодарской, взвилась сигнальная ракета, волоча за собой шлейф быстро гаснущих искр и шипение потревоженного дракона. По этому сигналу все русские батареи открыли по городу огонь. Словно светлячки, летящие в темную ночь, прочерчивали огненные дуги, падая за городской вал, на город, бомбы и зажигательные снаряды. С новой силой вспыхнули в Анапе пожары. Загорелся дом паши, загорелись янычарские казармы, домишки обывателей и лавки кушцов.

Русские войска, уже разбитые по колоннам и резервам, стали «в ружье». Разобрав штурмовые лестницы, колонны согласно диспозиции перешли к полевым батареям, которые продолжали вести по Анапе огонь. Первая колонна стала у самой левой батареи № 3, которой командовал капитан артиллерии Нелюбов. Вторая и третья колонны — у батареи артиллерии майора Долгово-Сабурова, которая стояла от Анапы в 250 саженьях. Солдатам запретили покидать строй, и каждый лег на еще теплую землю там, где стоял. Через час бог войны умолк, и над анапской равниной наступила тревожная тишина. В два часа пополудни возобновили пальбу только батарея № 1 и батарея пятой колонны, причем стреляли в основном бомбами. Под прикрытием этого огня штурмовые колонны главных сил, построившись во взводные колонны, перешли еще ближе к оборонительному рву Анапы с расчетом, «чтобы первые неприятельские ружейные выстрелы не доставали». Дви-

жение было произведено без выстрелов, без окриков, в тишине и равнении штурмовых колонн, чтобы они могли влезть на вал одновременно. На этот раз солдаты легли так близко от города, что было слышно, как на валу турецкие часовые окликали прохожих: «Дур! Кым дыро?»²⁴ Но, в общем, по валу было тихо.

За полчаса до рассвета по приказу Гудовича над его ставкой, разбрызгивая искры, взвилась вторая ракета. Турки и на этот раз беспокойства не проявили, ибо и до этого «гяуры» каждую ночь запускали ракеты. Но для россиян безмолвие закончилось. В штурмовых колоннах слышали, как на соседних батареях раздались команды: «Бомбардиры-канониры — к орудиям! Вложи заряд! Забей заряд! Бомбой! Наводи! Пали!» Мелькнули огненные точки пальников, и из всех батарей вылетели длинные огни, сотрясая землю.

Прочертив десятками огненных дуг предрассветную мглу, понеслись в Анапу бомбы, отлитые руками русских мастеров на уральских чугуноплавильных заводах. Штурмовые колонны тихо встали и пошли к Анапе. Передовые взвода несли по бокам по две лестницы.

Турки вели себя беспечно, думая, что это обычная пальба, а часовые прятались от разрывов бомб. Поэтому они заметили подходящие штурмовые колонны тогда, когда егеря, идущие впереди, начали колоть расположенный за оборонительным рвом пикет. Слыша крики гибнущего пикета, часовые, стоящие на валу, сразу же подняли тревогу: раздались отчаянные крики, замелькали огоньки фитилей, в разных местах вспыхнуло пламя, раздался треск выстрелов, с бастионов и куртин засверкали тысячи огней — все трещало и свистело на всем протяжении городского вала, на месте которого ныне находится бульвар Протанова (быв. Гудовича).

В первых взводах штурмующих колонн произошло замешательство, падали убитые и раненые; офицеры со шпагами в руках бросились вперед с криком: «С Богом, ребята! На штурм! Вперед! Ура! Ура-а-а!» — раздался гул тысячи голосов, и полетели в ров фашины, солдаты сотнями прыгали в ров, ставили лестницы и под выстрелами лезли на вал. Турки, прикрываясь дубовым палисадом, бросали в ров светящиеся снаряды и ручные гранаты, отлитые из чугуна и стекла, стреляли из ружей и пистолетов, но атакующие упорно лезли на вал. По каждой штурмовой

лестнице солдаты бежали парами, прикрывая друг друга, пара за парой, взвод за взводом неудержимо поднимались на вал города. Вот тут-то и началось самое страшное. Смельчаков, вставших в рост на валу, толпы защитников Анапы встречали яростными воплями: «Гяур! Гяур! Дур! Дур!» — и бросались рубить их ятаганами и саблями, чтобы затем сбросить в глубокий ров на камни.

В этой обстановке, когда на каждого солдата приходилось по нескольку турок и их союзников, им приходилось надеяться только на свои испытанные временем трехгранные штыки, которых в те годы у защитников Анапы еще не было. Опьяненные азартом боя, россияне не думали в тот момент, что некоторым из них быть безногим, безруким, безглазым или полумертвым, что кровь их будет смешана с гноем, рыдания с проклятиями, а молитвы со стонами. Но это будет позже, а тогда... Ура! Ура-а-а-а! Все были как пьяные. А над Анапой: а-а-а-вва!.. Ура! Ура!.. о-о-о... у-у-у-!

Кто бежит тут без руки.
Кто остался без ноги,
Кто изрублен, кто исколот,
А кто плавает в крови.
Турки нам кричат — Алла!
А мы грянули — Ура!
Воздух стонет, каждый молит:
Боже, жизнь мне сохрани
И домой меня верни.

Воодушевление атакующих было таким сильным, что даже раненые, в том числе из старшего командного состава полковники Чемоданов, Веревкин, Самарин, Муханов и подполковник Нелидов, наскоро перевязав раны чем Бог послал, из сражения не вышли. Позже, в своем донесении Гудович особо отметил артиллерийского майора Меркеля, старого георгиевского кавалера, который даже после того как турецкое ядро раздробило ему руку, продолжал командовать своими батареями, стоящими у устья Анапки на месте современного д/о «Голубая Даль».

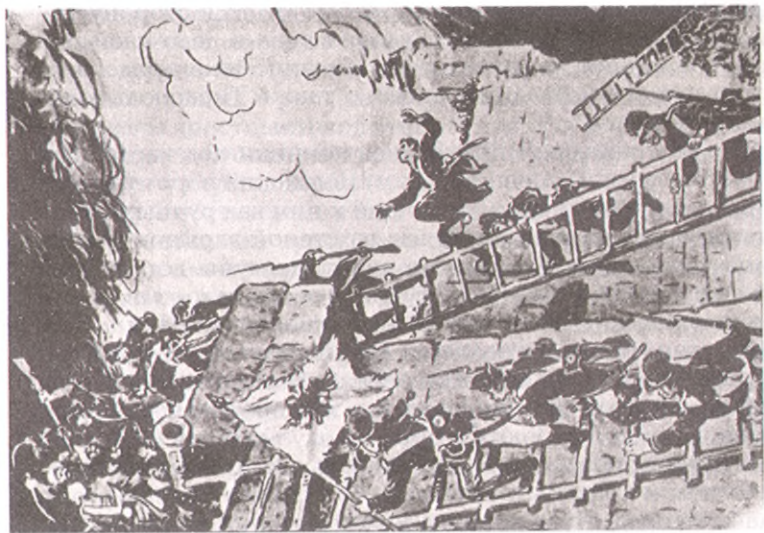
И в начале штурма, и в его ходе турки сопротивлялись так упорно, что начальники направлений вынуждены были ввести в бой свои резервы, но успеха не получили, ибо тройной перевес в силах все же был на стороне турок.

Видя, что чаши весов успеха колеблются то в сторону турок, то в сторону русских, Гудович ввел в дело свой резерв, состоящий из драгунских полков Нижегородского, Астраханского и Владимирского, а также Тираспольского конно-егерского.

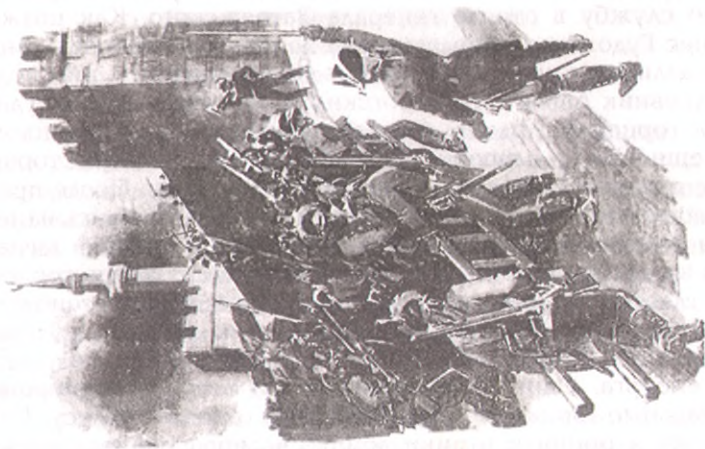
Полным карьером пронеслись конники под картечными выстрелами и, спешившись у Шегакских ворот города, забросали ворота и примыкающий к ним вал ручными гранатами, яростно полезли на вал за стеной взрывов. Переколов уцелевших защитников ворот, драгуны вступили в бой с резервными таборами турок и толпами горцев, которые с криками: «Алла! Алла! Аллах акбар!» — выбежали из узких улиц города. Отразив их огнем и штыками, драгуны открыли ворота, и опустив через оборонительный ров подъемный мост, впустили в город эскадроны своих однополчан в конном строю, которые с ходу врубались в толпы защитников города, еще пытавшихся оказать сопротивление огнем и холодным оружием. Так первая колонна ворвалась в город. Чуть позже в Южные ворота ворвалась и вторая колонна. Артиллерия турок замолкла, и защитники города бросились спасаться в извилистых улицах Анапы, где сражение начало принимать очаговый характер.

В это же время огромная толпа горцев, тысяч до восьми, под командой князя Мохаммеда Гирей-султана вышла из горных лесов и атаковала казаков, несущих сторожевую службу в отряде генерала Загряжского. Как позже донес Гудович, храбрые донцы, хоперцы и гребенцы, «не поддались ни шагу назад». Скоро подошедший к ним подполковник Львов с Таганрогским драгунским полком ударил горцам во фланг, а казаки во главе с полковником Спешневым — с фронта. Сдавленные горцы с двух сторон смешались и побежали к спасительному лесу. После призывов своих предводителей горцы еще раз пытались нанести русским войскам удар с тылу, но были отбиты и загнаны в леса предгорий. Одновременно другая толпа горцев во главе с конными панцирниками атаковала вагенбург, но сторожевое охранение, состоящее из казаков, поставило их под пушечную картечь орудий, стоящих по углам вагенбурга. Один залп свалил почти всех панцирников, остальные горцы смешались и стали отходить к лесу. Вот тут их и приняли в пики донцы, возвращавшиеся после разгрома первой группы горцев.

Солнце уже поднялось над горизонтом, а в Анапе, оку-

Бой на валу города.

Приступ к валу города.

танной клубами порохового дыма, смешанного с дымом пожарищ, все еще шла ожесточенная резня. Турки знали, что отступить им некуда, позади высоченный каменный обрыв, а за ним море, дрались с отчаянием обреченных. Этому способствовало и то, что лодки и корабли, стоящие у пристани, ушли в море с жителями города еще в первые ночи осады, а подошедшие на лодках из Крыма егеря полностью блокировали Анапу в ночь перед началом штурма города. Шейх Мансур, основатель мирюдизма, засев в одной из землянок Анапы с 16 нукерами, яростно отстреливался. На все предложения сложить оружие отвечал выстрелами, и только поняв, что атакующие, прикатив из порохового склада бочку с порохом, готовятся взорвать его последнее укрытие, выбросил в окно оружие и, опустив голову, вышел из землянки. Произошло это в восьмом часу утра, когда сражение в Анапе уже затихало, и защитники города уже складывали свое оружие в огромные кучи под охрану разгоряченных рукопашным боем русских солдат.

Еще не остыв от горячки боя, Гудович продиктовал дежурному адъютанту рапорт на имя Председателя Военной Коллегии генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина-Таврического:

«Повеление Вашей Светлости исполнено сего дня в 7 часов утра. Анапа взята. Штурм был жестокий и кровопролитный: неприятель оборонялся отчаянно 5 часов. Ров глубокий и широкий, по большей части одет камнем; четыре раза победа была сомнительна, наконец благословением Всевышнего совершена благополучно, в крепости взята 71 пушка, 9 мортир, 160 знамен, — во время самого жестокого штурма я был атакован сзади несколькими тысячами черкесов с турками и пушками, но оные были прогнаны с большим уроном. Турков было 10000 и татар, черкес и других 15000 вооруженных; побитых и потопившихся в море неприятелей число велико. В плен взято несколько тысяч турок, командующий трехбунчужный паша Мустафа, Батал-паши сын (Тайяр-паша — В. С.) и много чиновников. Посланного с сим Астраханского драгунского полка секунд-майора Арбелианова, отличившегося храбростью и усердием, имею честь рекомендовать Вашей Светлости. Вслед за сим спешу сделать обстоятельное донесение».

Гонец, которого ожидало поощрение, следующий чин и новый орден, тут же выехал в сопровождении конвоя на запад через нынешнюю ст. Благовещенскую, далее по пес-

чаной Джеметейской косе на Бугас, и через Тамань — в Крым, на старинный тракт, ведущий в Херсон, где была резиденция светлейшего Г. А. Потемкина-Таврического.

В тот же день в Анапе, после оказания помощи раненым, полковые священники отпели и похоронили павших воинов. У братских могил, вырытых где-то недалеко от валов города, полковые священники в тот день пели: «Помяни, господи, усопших рабов своих, христолюбивых воинов: Семена, Матвея, Евстафия, Тараса, Дениса, Луку, Фому, Пантелея... Помяни, господи, живот свой на поле брани положивших и венец мучинески восприявших... Прими, господи, убиенных в селение праведных, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная... Вечная память!» Такой осталась над дымной еще Анапой и ее окрестностями погребальная песнь.

Старые историки ничего не говорят о судьбе братских могил у стен Анапы. Из записок офицеров, воевавших на Кавказе, известно, что даже одиночные могилы русских воинов, не говоря уже о братских могилах, тщательно маскировались. Вместо того, чтобы по христианскому обычаю насыпать на могиле холмик с установкой на нем креста, как это было сделано Петром Великим на поле битвы летом 1709 года под Полтавой. На Кавказе же могилы во избежание их осквернения не обозначались ни холмиком земли, ни тем более установкой креста, а только раскладыванием на местах захоронений больших костров, как с целью маскировки, так и отпугивания диких зверей. Поэтому могилы русских воинов под Анапой, если их только турки не разрыли в последующие годы, были попросту русскими властями затеряны, к тому же попав еще в конце прошлого года под застройку расширяющего свои границы города.

Получив победоносный рапорт Гудовича, светлейший князь, возликовав, в тот же день отправил донесение императрице в далекий Санкт-Петербург, в котором сообщил следующее:

«Сейчас получил я из Анапы от генерала Гудовича с секунд-майором князем Арбелиановым отправленный по окончании штурма краткий рапорт, который при сем имею счастье поднести Вашему Императорскому Величеству, подробное известие пришлетя от него немедленно.»

Сильной неприятель весь или побит, или пленен. Черкесы по взятии города все разбежались в горы. Приобретенная в Анапе артиллерия именно хорошая и больших калибров медная.

Помянутой курьер князь Арбелианов в проезд через Яниколь известил, что Черноморский Вашего Императорского Величества флот вышел уже из Севастополя в море.

Воинство Вашего Императорского Величества, столь храбро подвизавшееся при покорении Анапы, а с оным и себя, повергаю чрез сие к священным Вашему Императорского Величества стопам».

Чрезвычайно довольная императрица тут же вызвала к себе статс-секретаря Храповицкого Александра Васильевича, и, сообщив радостную весть, приказала немедленно оповестить о победе русского оружия правительство и редакции тогдашних газет.

Однако возвратимся к жаркому дню 22 июня 1791 года, когда войска были приведены в порядок и построены у вагенбурга для проведения полковыми священниками благодарственного молебна в честь дарования победы русскому оружию. И хотя радость победы и была всеобщей, сожаления по поводу ранений, а то и гибели своих однополчан у стоящих в строю солдат и казаков, конечно, были, что впоследствии и отразилось в неизвестно кем сложенной песне:

Вы победные головушки солдатские!
Как на бой, да на приступ — люди первые,
А на жалование — люди все последние.
Как со вечера солдатам приступ оказан был,
А затем солдаты ружья чистили,
А ко свету на Анапу они двинулись.
Что не грозная тут туча поднималась,
Что не черные тут облака сходились, —
Загремела тут пальба пущечная.
Затрещала тут стрельба ружейная,
Поднимался выше облак черный дым.
То не камушки с крутых гор покатились, —
Покатились с плеч головы солдатские...

После более тщательного подсчета трофеев оказалось, что русским досталось 83 пушки, 12 мортир, 3 булавы и

130 знамен, большей частью изорванных и из которых 43 были посланы князю Потемкину. В крепости были взяты провиантские склады, большой пороховой погреб и магазины с «разными военными снарядами». Потери турок превысили 8000 человек, а в плен попало с жителями всего 13532 человека, которых тут переправили в Крым.

Победа и русским досталась ценою крупных жертв. Всего войска по докладу Гудовича потеряли убитыми: штаб-офицера — 1, обер-офицеров — 17, 912 нижних чинов. Раненых же было в два раза больше.

Поименных списков убитых и раненых история нам не сохранила, но список отличившихся офицеров, среди которых большинство получило ранения, в московском военно-историческом архиве сохранился. Список этот длинный, можно думать, что при штурме Анапы отличились все, трусов не было. Вот несколько из них: поручик Казанского пехотного полка Копытов снял с батареи Анапы знамя, капитан Воронежского мушкетерского полка Митякин первым в полку поднялся на вал города, поручик Тифлиского полка Лебедев с ротой взял батарею, капитан 4-го егерского батальона Бачурин взял батарею и заклепал ее пушки и др.

3 июля, когда Анапа уже была очищена от трупов защитников города, в море показалась огромная эскадра в 32 вымпела под флагом адмирала Сары-паши, шедшего на помощь осажденной Анапе. Не доходя до берега десяти миль, осторожный адмирал приказал выпалить положенный сигнал, по которому эскадра спустила паруса и стала на якоря. После того как турецкие корабли эту команду выполнили, адмирал послал к Анапе с целью разведки керлыгач — небольшое судно, вооруженное двумя пушками. Капитан до конца дня водил свой кораблик, не решаясь подойти к пристани, на которой не было видно обычной портовой суматохи. Только поздно вечером, когда ветер потянул со стороны берега и на керлыгаче услышали, что на пристани кричат по-турецки, капитан решился подойти к пристани. Это решение его и погубило: мнимые турки, до этого только что призывно кричащие, внезапно захватили кораблик с экипажем в 19 человек без единого выстрела.

Старые историки писали, что Сары-паша почти всю ночь простоял на капитанском мостике, ожидая известий от своего разведчика. Уже рассвело, но керлыгач все не возвращался, хотя и без зрительной трубы было видно, что он

со спущенными парусами стоит у пристани. Сары-паша был в недоумении, что могло случиться с опытным капитаном керлыгача? Адмирал негодовал, обещая ему всяческие кары, но тут доложили, что в волнах, поднятых с вечера крепким ветром, видны трупы людей в турецких одеждах. Перейдя с мостика на бак, Сары-паша лично убедился, что это так, и понял, что Анапа уже в руках русских. Посылая проклятия гяурам, адмирал приказал сниматься с якорей и, подняв паруса, увел свою эскадру к берегам Анатолии.

Убедившись, что угроза со стороны моря для него миновала, Гудович направляет сильный отряд с задачей разорить турецкую крепостцу Суджук-кале, развалины которой и в наши дни видны у восточной окраины города Новороссийска. Однако штурмовать эту крепостцу русским войскам не пришлось, ибо ее комендант, получив известие от беглецов из Анапы о ее участи, не стал испытывать судьбу. Собрав гарнизон, он приказал все строения пожечь, а боевые башни и бастионы взорвать, чтобы затем на кораблях уйти в Турцию. Причем турки это делали так поспешно, что, делая подрывы, перебили даже какую-то часть своих воинов.

Что же касается крепостной артиллерии, то не имея возможности погрузить тяжелые пушки на корабли, турки их просто бросили, как бросили трупы своих товарищей, погибших при подрывах башен. Командир русского отряда, подойдя к Суджук-кале со стороны аула Цемес, только приказал разрушить то, что пощадил огонь и неправильно заложенные фугасы. Тяжелые же пушки он приказал заклепать и зарыть в колодцы, а более легкие утопить в море. Подорвав все, что еще можно было подорвать, русские воины возвратились к Анапе.

А какая же была уготована ей дальнейшая судьба? Ввиду того, что Анапа была на территории, подвластной Османской империи, вдали от границ России, Гудович приказал все оборонительные сооружения срыть или взорвать, колодцы засыпать, а жилые и нежилые строения предать огню, но поджоги и подрывы начать только после полного отхода русских войск от Анапы.

5 июля со стороны гор прибыла к ставке Гудовича делегация высокородных черкесов из окрестных аулов в сопровождении своих дружин. У ставки, сойдя с лошади, старший из князей обратился к вышедшему из шатра Гудовичу с приветствием и просьбой заключить мир, для утверж-

дения которого князья готовы дать присягу. Гудович согласился, и князья тут же на Коране дали присягу соблюдать мирные отношения с Россией, а некоторые даже изъявили желание вступить в российское подданство и служить под знаменами российских царей, что в дальнейшем так и было.

11 июля после панихиды по воинам, погибшим при штурме Анапы, войска стали в походные колонны и тронулись к переправе через Кубань. Шли под полковую музыку, которую временами прерывали взрывы фугасов, поднимающих на воздух укрепления Анапы. И только музыка смолкла, как в I роте Нарвского карабинерского полка раздалась команда: «Запевай!», и высокий голос молодого запевалы начал выводить слова старинной солдатской песни:

Дело было под Полтавой,
Дело славное, друзья!

И тут вся рота, около сотни мужественных и прокуренных у степных костров голосов дружно подхватили:

Мы дрались тогда со шведом,
Под знаменами Петра.

А тем временем мушкетеры Тифлисского полка разучивали новую песню, только что сложенную солдатскими пиитами под стенами Анапы:

Толика ныне слава есть:
Русакү в победах честь,
Стүпай, не роей!
Стүпай, не роей!
Мы к Анапе то пришли
Незванные гости:
Много түрок түт нашли,
Их ломать все кости.
Мы не бүдем түт дремать
Или дүмать, или спать.
Пришли работать,
Пришли работать.
Пүшек, грома не боимся,
Нүль и ядер не страшимся,
Нам не привыкать,
Нам не привыкать.

А как к стенам ближе стали,
Тут Анапу штурмом взяли.
Турки, не сердись,
Турки, не сердись.
Нам покоиться пора,
Грянем громкое — Ура!
Слава русаку!
Слава русаку!

А когда песни были допеты, солдаты вспоминали погибших или раненых товарищей, и тогда все умолкало, словно тяжелая дума убивала радостную песню. Но миновало молчание, и вновь в ротах и эскадронах раздавался громкий смех и радостный говор, будто и не было ничего страшного в минувшие дни и ночи. С радостью оглядывались казаки и солдаты на покрытую огнем и дымом Анапу, старинное гнездо разбойников, которое поглотило безвозвратно тысячи их соотечественников, проданных в рабство.

Кровопролитный приступ Анапы, совершенный всего год спустя после взятия Измаила, хотя и не получил в мире такой громкой известности, стоил Гудовичу и его войскам едва ли не больших усилий, чем измаильский А. В. Суворову. Если Измаил был блокирован со всех сторон, то Анапа была блокирована только с суши. Суворов знал одного неприятеля, а Гудович был поставлен между двух огней, и если Суворов в случае неудачи мог свои войска от Измаила отвести, то для Гудовича отход к Кубани кончился бы полным разгромом.

Зная все это, императрица Екатерина Великая высоко оценила подвиг Гудовича и находящихся под его командой войск, пожаловав ему золотую шпагу с бриллиантами и орден св. Георгия II степени, а после заключения мира с турками — и высший орден России — св. Андрея Первозванного. Все генералы и полковник Поликарпов получили св. Георгия III степени, а все остальные полковники — IV степени. Как были награждены не попавшие в этот список офицеры и нижние чины, история сведений не сохранила.

Разорив Анапу, Гудович повел корпус к Кубани более кратким путем и совершив переправу по уже наведенному мосту, дал своим солдатам долгожданный, хотя и краткий, отдых, чтобы пионеры разобрали мост, а полковые началь-

ники собрали своих солдат, что сидели в редутах тет-де-пона. Пройдет три года и правый редут казаками-черноморцами будет перестроен в Ново-Екатерининский кордон, валы которого и ныне видны в районе хутора Прикубанского восточнее Красного леса.

Замечу, что черноморские казаки участия в походе на Анапу в тот год не принимали, ибо в те дни они были еще только на Днестре да Дунае, но в последующих взятиях Анапы, когда они уже переселились на Кубань, черноморцы принимали самое активное участие.

22 декабря 1791 года закончилась русско-турецкая война Ясским мирным договором, по которому османы уступили России земли между Южным Бугом и Днестром, согласились на присоединение Крыма с Правобережьем Кубани к России и обязались не нападать на Грузию. Таким образом победа Гудовича летом 1791 года спасла народы Грузии от геноцида.

И вожья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков.

М. Д е р м о н т о в.

К сожалению, нынешняя общественность Грузии и ее руководители забыли об этом историческом факте, что именно мужественный и многотерпеливый русский солдат спас народ Грузии от полного истребления мусульманскими соседями.

К сожалению, по Ясскому мирному договору Россия уступила Анапу туркам, ибо удержать ее, как базу, окруженную турецкими владениями, хотя и номинальными, было трудно. Не медля нимало, султан Селим тут же повелел Анапу с ее укреплениями не только восстановить, но и даже усилить, причем с помощью тайно прибывших на Кавказ французских военных инженеров. Тогда один из богатых жителей Анапы и установил своим иждивением на Шегакских воротах мраморную доску с надписью:

В середине доски: «Султан Селим-хан, сын Мустафы — всегда поведоносный».

Направо арабское изречение: «Стало то, что желал Бог».
Налево — «Нет силы, кроме как у Бога».

Ниже стихи турецкие по строкам:

1—4. Царь султан Селим-хан, обладатель целого моря подданных — да укрепит Аллах твердыню его царства и самую жизнь его до страшного суда — доставляет народу безопасность, неукоснительно занимаясь реставрацией пограничных крепостей.

5—8. Под сенью его ожили все окраины и границы, а враги веры — на краю гивели и уничтожения. Ныне, отстроив Анапскую крепость, он доставил радость населению ея. Ея основание — о, чудный план!

9—12. Допнут по всем направлениям, точно пугзыри, куполы девяти небес, когда комендант подожжет фитиль; и, смотря с Черного моря на пламя в момент разбрасывания им ночью огня, коварный враг должен уподобить это грому и молнии.

13—16. Посвятили ей один целый стих, а я подобрал второй и теперь стало две великих хронограммы: Султан Селим заново соорудил Анапскую крепость — 1797 г.

Укрепления выстроил хан Селим, и стала Анапа бесподобной — 1797 г.

Известен и другой перевод, видимо, с доски, установленной на Степных воротах, и опубликованный в Записках Императорского общества истории и древностей. Том 10. Одесса. 1877 г., стр. 507.

Султан Селим
Мустафа-хан
О великий Боже!

1. Без твоего соизволения ничего не поколеблется!

2. Султан Селим имеет неограниченную власть.

Просим тебя, Великий Боже, сохранить
все грады его вовеки.

3. Печется о всех городах ему подвластных,
строит и оканчивает новый!

4. И как все города, во владении находящиеся в
продолжении жизни его благополучны; то и
онный будет каковым во веки!

А враги его тому да удивятся!

5. Он соорудил город Анап; жители онога да
будут благословенны!

6. Около его сделал прекрасные ворота.
И самые величайшие исполины не могут
разрушить оных.

7. Поставил на берегу Черного моря:
От лукавого врага храним Богом.

8. Да будет известно каждому, что надпись сня сделана в память сооружения города Анапы и в вечное прославление Султана Велима. Сочинитель ея есть один из жителей города Анапы. 1798 года.

Старые историки писали, что эти переводы были сделаны с одной доски, но разными переводчиками, что и вызвало их значительное разночтение. Однако известно, что герцог (дюк) Арман Эммануил Дюплесси де Ришелье приказал снять с ворот Анапы две доски: одна из них была установлена в 1797 году, а вторая в 1798 году, что подтверждают и сами надписи.

Несмотря на то, что восстановленная турками Анапа и потеряла престиж неприступной твердыни, она продолжала служить им не только опорным пунктом на весь Северо-Западный Кавказ, но и питомником со стороны горских народов, участники которых находили в Анапе поощрение и покровительство. Поэтому русское правительство и приняло решение это разбойничье гнездо разорить еще раз. К этому времени казаки-черноморцы, после заселения правого берега Кубани, уже отстроили свои куренные селения и пограничные кордоны, а с назначением армии подполковника Федора Яковлевича Бурсака войсковым атаманом вообще превратились в довольно внушительную боевую силу, которую русское правительство и решило использовать в борьбе за Анапу.

В конце апреля 1807 года эскадра под флагом контр-адмирала Пустошкина, подойдя к Анапе, открыла по городу такой огонь, что гарнизон прекратил сопротивление и, оставив горящий город, бежал в окрестные леса. Поэтому десант, высаженный с кораблей и занявший город без боя, тут же приступил к тушению пожаров.

Вскоре в Анапу прибыл Херсонский губернатор генерал-лейтенант герцог (дюк) Арман Эммануил Дюплесси де Ришелье, памятник которому и ныне украшает Приморский бульвар Одессы, внук известного нам по романам Дюма знаменитого кардинала Ришелье. Заметив на городских воротах мраморную доску, он приказал ее снять и отправить в Николаев, откуда ее позже перевезли в Одессу, где она многие годы хранилась в местном историческом музее. Есть сведения, что он снял две доски. Сохранились ли они после двух опустошительных войн — неизвестно.

Проведя переговоры с местными черкесскими князьями о соблюдении мирных отношений с Россией, Ришелье уехал в Черноморию, а адмирал Пустошкин, свезя на корабли все медные трофейные орудия, приказал укрепления Анапы разрушить. Но не успели мачты российских кораблей скрыться за горизонтом, как турки, возвратившись в Анапу, тут же начали восстанавливать ее фортификационные сооружения.

В июне 1809 года эскадра капитан-лейтенанта Перхурова, состоящая всего из пяти вымпелов, блокировала Анапу с моря и после короткой, но мощной бомбардировки высадила десант, который без боя занял горевший город, оставленный турецким гарнизоном, а черкесов, идущих грабить город, отогнал огнем. На этот раз русское командование решило Анапу не разрушать, оставив в ней полуторатысячный гарнизон под командой полковника Ратманова. Вскоре его сменил в должности коменданта генерал-майор Бухгольц, женатый на абадзехской княжне из рода Дауровых, которая подростком была спасена русскими солдатами из горевшего дворца анапского паша при штурме города Гудовичем в 1791 году. Будучи взятой на воспитание в одну из офицерских семей, княжна позже вышла замуж за русского генерала, получив тем титул — «Ваше превосходительство».

Таким же образом попала в Россию и другая черкесская девочка, которая, получив воспитание в семье военного, вышла замуж за очень известного актера своего времени Михаила Семеновича Щепкина (1788—1863 гг.).

В годы комендантства Бухгольца в августе 1809 года случилась трагедия, связанная с черноморскими казаками. В тот день есаул Кривошея вел в Анапу полторы сотни конных черноморцев со стороны Бугазской переправы по Джеметейской косе, отделяющей Кизилташский (Кубанский) лиман от Черного моря. Учитывая, что горцы постоянно нападали на обозы и воинские команды, идущие из Черномории в Анапу или обратно, комендант направил навстречу казакам две роты егерей под командой майора Витязя. Однако горцам удалось окружить казаков и егерей, начав их расстреливать из двух пушек картечью. Командовал горцами бывший комендант турецкой Анапы. Казаки и егеря под командой своих офицеров, построившись в каре, отбивали наскоки горской кавалерии, хотя и несли потери от пушечной картечи.

Из Анапы, заслышав пушечную пальбу, вышел на выручку батальон пехоты, который огнем и штыками разогнал горцев и спас оставшихся в живых героев, хотя и раненных, в том числе и майора Витязя. А когда в Закубанье начали основываться новые казачьи станицы, то одна из них и была названа в честь умершего от смертельных ран храброго майора — «Витязевская».

В 1812 году по Бухарестскому мирному договору русское правительство вынуждено было отдать Анапу туркам, ибо перед угрозой начала войны с буржуазной Францией России нужно было обезопасить свои южные границы. Перед тем как сдать Анапу туркам, генерал Бугхольц тайно вывез по ночам медные турецкие пушки на Тамань, сложив их у слободки Бугас прямо на землю, а оборонительные сооружения испортил. Поэтому все городские ворота и часть куртин туркам пришлось восстанавливать заново с помощью французских военных инженеров.

И в последующие годы в борьбе за Кавказ Россия не могла не учитывать стратегическое положение Анапы, о чем беспокоился еще в свое время Александр Васильевич Суворов. Оставить ее в руках турок во время будущей войны означало иметь за своей спиной постоянную угрозу, ибо они, не расходуя свои боевые силы, могли с помощью горцев распространять свое влияние на Прикубанье и северо-восточное побережье Черного моря. Не зря же турки снабжали горцев оружием и боевыми припасами, показывая этим, что Анапа всегда была и будет служить на Кавказе представительницей мусульманского могущества.

Русское правительство это понимало и поэтому готовилось вновь овладеть Анапой, но на этот раз уже навсегда. Готовясь к походу, генерал-адъютант князь А. С. Меншиков обратился к генералу Бугхольцу, коменданту крепости Керчь-Еникале, с просьбой выслать ему план крепости Анапа. Однако письмо не застало генерала в живых, и за него ответила его жена.

«Разбирая бумаги покойного мужа, касающиеся сдачи им Анапы, — писала генеральша, — я нашла подробный план крепости, который при сем и высылаю. А так как я находилась в Анапе вместе с моим мужем, то знаю лично, что крепость эта была вооружена, но, по приказанию мужа, когда ее сдавали Порте (Турции — В. С.) в 1812 году, разрушены были главные укрепления...

Будучи сама уроженкой Черкесии, я поныне сохраняю

родственные связи, доверие и приверженность к себе натухайцев, шапсугов и абадзехов, имею родственницу даже в самой Анапе». Далее генеральша пишет, что «крепость находится теперь в сильно оборонительном положении. Всегда желала я доставить родине моей покровительство монарха и для этой цели имела на родственников моих непосредственное влияние, с твердостью удерживаю и поныне средства подкреплять мое намерение, сопряженное с искренним желанием отвлекать народ сей от его заблуждений»²⁵, что на помощь Турции им надеяться особенно и не стоит.

И вот настало время, когда разрыв с Турцией стал уже свершившимся фактом, когда вместо дипломатов должны были заговорить пушки. В апреле 1828 года эскадра под командой вице-адмирала Грейга с десантом направилась к Анапе. Со стороны Черномории кроме рот Таманского и Нашенбургского полков, под командой войскового атамана полковника Алексея Даниловича Бескровного подошли два конных и два пеших полка черноморских казаков с конной батареей. Все эти части составили отряд флигель-адъютанта В. А. Перовского.

Первоначальная задача отряда состояла в том, чтобы, оставив позади Тамань и бывший Усть-Кубанский фельдшанец, построенный А. В. Суворовым в 1778 году для прикрытия пролива Бугас, бывшего устья реки Кубани, и в дальнейшем пройти по Джеметейской косе к ближним подступам Анапы. И только после этого, с прибытием русской эскадры, обеспечить высадку пехотного десанта со средствами усиления.

Идущие в авангарде сотни казаков-черноморцев во главе с войсковым атаманом армии полковником А. Д. Бескровным должны были после ночной переправы через Бугас, ныне забитый песком, очистить от турецких сторожевых постов и бродячих шаек абреков всю приморскую дорогу, связывающую Тамань с Анапой. Первый турецкий пикет²⁶ казаки обнаружили на высоте западнее нынешней станицы Благовещенской, но так как аскеры несли службу халатно, то казаки повязали их без единого выстрела. Позже, уже сойдя с Джеметейской косы, казаки столкнулись с отрядом горцев, которые после перестрелки подожгли аул Джемете и, отстреливаясь, отошли к Анапе.

Несмотря на начало мая месяца, обычно на Кубани теплого и ласкового, в тот год он был на удивление каприз-

ным и суровым. Дожди, полоскавшие несколько дней при сильном северо-восточном ветре, не только угнетали промокших до нитки казаков, но и сдерживали переправу обозов через Бугас, который после дождей значительно расширился, с одновременно усилившимся напором кубанской воды.

Оставив на косе, там, где ранее размещался турецкий пикет, роту Таманского полка с двумя пушками для прикрытия коммуникационной дороги с Бугасом, В. А. Перовский вышел 3 мая в район нынешнего Нижнего Джемете, где и занял линию между морем и обширным болотом, вызванным разлитием речки Бугур. А так как на море все эти дни свирепствовал сильный шторм с дождем, и это задерживало высадку русского десанта, то отряд Перовского, численностью всего в 900 человек, вынужден был принять на себя удар многотысячного гарнизона Анапы. Три дня турки со стороны города, а горцы со стороны степи беспрестанно делали наскоки на сторожевые посты отряда Перовского, успевшего уже вырыть ложементы, легкие полевые укрепления, прикрываясь которыми казаки и солдаты отбивали ружейно-пушечным огнем все наскоки анапских союзников.

А между тем на рейд Анапы прибыла русская эскадра под флагом контр-адмирала Грейга и стала на якоря. Не высаживая десант из-за шторма, Грейг послал на шлюпке коменданту Анапы ультиматум, на что спокойный паша принять его условия отказался: «Вы предлагаете мне невозможное, — ответил он парламентарю, — начальник ваш исполняет то, что велел ему его Государь, а я не изменю своему. Судьба должна решить, кому владеть Анапою».

После того, как 5 мая ветер стих, и десант, состоящий из двух егерских полков, с 8 пушками от 7 артиллерийской бригады, под командой князя Меншикова, принявшего общее командование, высадился на месте знаменитого ныне пляжа, русские войска начали готовиться к штурму Анапы.

7 мая со стороны русских батарей началась общая бомбардировка города, особенно района, прилегающего к северной части оборонительных сооружений города, т. е. со стороны речки Бугур. В ответ, по приказу паши, черкесская конница, выйдя из горных лесов, атаковала ту часть позиции русских, где стояли черноморские казаки. Вспыхнувшая перестрелка, а затем и рубка, нанесли атакующим

большой урон. Позже стало известно, что в этом бою горцы потеряли своего предводителя владетельного князя Сатуг-Ханаш-Инб-Цака, известного своими набегами на кубанские селения казаков.

Построенная у устья реки Бугур демонтир-батарея, вооруженная тяжелыми морскими орудиями и одной мортирой большого калибра, начала разрушать северную часть Анапы, стремясь подавить артиллерию двух бастионов и пробить соединяющую их куртину. Нынешние гости Анапы и представить себе не могут, лежа на пляже у устья Анапки, что на этом месте некогда стояла в мае 1828 года самая сильная русская батарея, с вала которой князь Меншиков принимал план штурма Анапы. Здесь было принято решение штурмовать город не со стороны степи, как это сделал Гудович, а с севера, со стороны р. Бугур.

Однако отсутствие блокады русскими войсками Анапы со стороны гор позволяло горским князьям подбрасывать туркам подкрепления. Это беспокоило Меншикова, и он после строительства со стороны степи такой же демонтир-батареи приказал канонеркам и казачьим лодкам, вооруженным пушками и фальконетами, подойти по мелководью как можно ближе к Анапе и обстрелять ее приморскую часть, ибо флот, стоящий на якорях вдали от берега, не мог вести достаточно эффективный огонь.

Моряки и казаки-черноморцы подошли на веслах к Анапе и картечными выстрелами очистили берег от турок, а затем ядрами начали громить стоящие на якорях турецкие суда. В первый же день казаки и моряки утопили три кочермы, а три сумели захватить в абордажном бою, чтобы затем отвести их к русскому флоту. Блокада Анапы осложнила ее положение, поэтому турки договорились с горскими феодалами совершить 18 мая совместную атаку на левый фланг русских, где стоял 13 егерский полк, сформированный из молодых солдат. Однако, когда к туркам, сделавшим вылазку, устремились толпы горцев, роты полка крестным огнем отбили их нападение, и далее горцы только смотрели со стороны, как егеря и казаки гнали турок до самых ворот города.

Как стало позже известно, горцы потеряли тогда своего предводителя владетельного князя Темрюка, погибшего вместе со своими узденями. Сняв с него богатый панцирь, егеря отправили его как трофей в подарок императору.

28 мая четыре тысячи горцев вновь пытались пробить-

ся в Анапу, атакуя на этот раз казаков-черноморцев, однако полковник А. Д. Бескровный организовал ответный удар, и загнал турок с помощью егерей в город.

В тот день участь Анапы и была решена: после ожесточенного обстрела со стороны русских анапский паша, смотря из своего окна на горящий город, принял решение: Анапу сдать на милость победителя. Приняв соответствующие меры, 11 июля он приказал поднять над Шегакскими воротами белый флаг, как ближайшими к его дворцу. А ровно в полдень 12 июля 1828 года все ворота города, опустив мосты, распахнули свои створки, и егеря 13 полка с развернутыми знаменами под барабанный бой и звуки духового оркестра через Шегакские ворота вошли в город, чтобы придать ему новую жизнь. В полдень, после подъема на приморской башне флага начальника морского штата (другого флага не нашлось), флот, стоящий на якорях, приветствовал его бортовыми залпами.

После подсчета своих и турецких потерь, а также трофеев, доставшихся русским, стало известно, что потери россиян составили около 300 человек, турки же только пленными потеряли 4000 человек, 85 пушек и 29 знамен, которые тут же были направлены в Санкт-Петербург, где они и хранятся ныне в Артиллерийском музее. Государь достойно наградил отличившихся: так, атаман Черноморского казачьего войска А. Д. Бескровный с производством в чин генерал-майора получил орден Святого Георгия IV степени, а все казачьи полки — знамена с надписью «За взятие Анапы». Были награждены орденами и медалями и многие офицеры и рядовые, проявившие себя в этой кампании.

С того года Андрианопольский мирный договор 1829 года только подтвердил, что господство над восточным берегом Черного моря окончательно перешло к России, и разбойничье гнездо, где постоянно зрели против нее заговоры, ликвидировано. Так согласно мирному договору Анапа и вошла навечно в состав российских владений.

В память же того, что через Шегакские ворота степные и горские хищники загоняли на анапский рынок рабов, захваченных в русских землях пленников, и что через них первыми ворвались в город русские воины под командой Гудовича и Перовского, а егеря Меньшикова вошли с развернутыми знаменами под звуки оркестра, их и называли — Русские ворота.

Служивший в 1840 году в Анапе в штабе Тенгинского пехотного полка, в котором числился и поэт поручик М. Ю. Лермонтов, кавказский офицер М. Ф. Федоров, после знакомства с ее фортификационными сооружениями и доступной для него историей города, написал:

Бывало, здесь, Анапы под стенами,
Бунчук с луною түрок развевал:
Бывало, здесь, за дружными столами,
Черкес и түрок вместе пировал.
Но русский стал лишь на брегах Дуная,
Лишь на Балкан орлиный бросил взор, —
Вздрыгнула Анапа, паденья ожидая,
Черкес бежал в свои ущелья гор:
Наш русский стан у стен развил знамена,
К воротам страшный гром свой подкатил, —
И ружью в пыли Анапы бастионы,
И православный крест с молитвой водрузил...

Последний раз когда россияне подняли над Анапой свои боевые знамена, и притом уже навечно, как мы уже знаем, произошло 12 июня 1828 года. Этот день и стал в Анапе днем праздничным. Каждый год гарнизон Анапы, при годовом сборе жителей города, собирались у храма, о чем будет сказано ниже, и с крестами шли к городскому валу, где когда-то русская артиллерия пробила брешь в куртине, соединяющей два соседних бастиона. Войска становились в строй и духовенство проводило первым делом панихиду по погибшим воинам. После этого проводился молебен и окропление святой водой крепостных ворот и бывшей бреши.

С наступлением вечера начальство организовывал богатый фейерверк с вензелем императора, причем огни жгли под пушечный салют, состоящий из 101 выстрела. С последним выстрелом войска, стоящие в строю у храма, пели гимн России «Боже, царя храни» в сопровождении хора (оркестра) духовой музыки.

Затем войска уходили в казармы, где их ожидал праздничный ужин с винной порцией, а офицеры и чиновники с семьями направлялись на танцевальный вечер, который давал комендант Анапы в своем дворце, бывшей резиденции турецких комендантов-пашей.

Необходимо отметить, что, выйдя из-под влияния турецкого паши, сидевшего в Анапе, горцы окрестных аулов

установили со временем с русским гарнизоном доброжелательные отношения.

Упомянутый М. Ф. Федоров, касаясь этого вопроса, сообщает, что комендант Анапы полковник Бринк Егор Егорович разрешал проводить 3 раза в неделю «сатувку», т. е. меновую торговлю. Горцы везли на продажу мед, воск, сало, сыр, скот и даже древнее оружие, которое горцы находили в могильных курганах времен крестовых походов. Кроме «сату», т. е. мены, горцы принимали в оборот серебряные рубли и полтинники, хотя главной денежной единицей была цена пуда соли.

Кто желал ехать на базар, должен был заранее купить в соляном магазине билет на покупку соли, которая в горах всегда была дефицитом. «В день сатувки, — пишет М. Ф. Федоров, — ставился у крепостных, так называемых «Русских ворот» особый караул, который обязан был отбирать у приезжающих для торговли горцев оружие; для этого были сделаны деревянные бирки, с условными знаками...». Горцы очень уважали Е. Е. Бринка, за его строгую справедливость при разбирательстве споров и жалоб, за его бескорыстие, радушное гостеприимство, неустрашимость, или лучше сказать, доверие его к горцам; случалось, что человек по тридцать вооруженных черкесов ночевали в его комнатах; он один был вместе с ними и постоянно без оружия».

Со временем доверие горцев выросло до того, что они пировали у коменданта, и даже пили шампанское за здоровье императора Николая Павловича. В общем: «За время правления Бринка крепостью и анапскими поселениями, — утверждает М. Ф. Федоров, — пять ближайших аулов изъявили покорность, дали присягу и аманатов²⁷, и это покорение не стоило ни одной капли человеческой крови». Для аманатов, 14 мальчиков, в доме коменданта было отведено особое помещение, где они жили и учились грамоте и религиозным обычаям, для чего был приглашен мулла, получавший от казны денежное содержание. Был в Анапе и военный госпиталь с мужским и женским отделениями, где лечились не только военные и горожане, но и горцы.

Шли годы.

Город рос. Если при взятии Анапы в 1828 году в ней насчитывалось всего 50 частных домов, не считая янычарских казарм и лавок, то спустя десяток лет в городе было

построено 253 частных дома, казенных — 112, лавок — 33, да военный госпиталь на 300 коек. Причем в городе было спланировано 11 правильных улиц, начертание которых сохранилось до наших дней.

В первые же годы после присоединения Анапы к России местный гарнизон перестроил главную мечеть города в церковь, освященную во имя преподобного Онуфрия Великого и Петра Афонского, память которых отмечалась 12 июня. Тогда же и дворец пашы был приспособлен под резиденцию анапского коменданта, после же ликвидации этой должности дворец перестроили под гостиницу.

После того как Анапа в 1846 году была официально объявлена городом, население ее тоже увеличилось благодаря различным льготам, предоставленным правительством новым переселенцам южных городов. Поэтому перед Крымской войной (1854—1855 гг.) в городе числилось 1442 жителя м. п. и 997 душ ж. п., из которых 67 были армяне — торговцы и ремесленники. А когда в казне города появились средства, то его общественность, уже имея тягу к наукам, в 1852 году в торжественной обстановке открыла первое уездное училище.

Во время Крымской войны русское население города и стоящий в нем гарнизон 25 мая 1855 года покинули Анапу, предварительно разрушив все укрепления и постройки. А 10 июля следующего года русские войска вошли в город, с музыкой и развернутыми знаменами, да еще через Русские ворота, чтобы начать строительство новой Анапы. Но продолжавшаяся Кавказская война сдерживала строительство города, что и заставило правительство России вывести Анапу за штат российских городов.

Однако заштатный городок все же развивался и, расширяясь, местами начал выходить за черту оборонительного вала, который жителями и солдатами стал постепенно срываться, чтобы заложить по его начертанию бульвар имени генерала Гудовича. В 20-е гг. местные власти «по просьбе трудящихся» переименовали бульвар, дав ему имя местного революционера Протапова. Так был вырван один из листов истории Анапы...

Кубанская печать в 1913 году сообщила, что при расчистке анапской бухты от камней взорванной приморской башни, были найдены в воде два богатых ружья турецкой работы с золотой и серебряной насечкой. Ныне они хранятся в Артиллерийском музее Санкт-Петербурга. Что же

касается сохранности фортификационных сооружений Анапы, то из печати известно, что в 1914 году городской вал местами был разобран и скрыт, такая же участь постигла и двое ворот, кроме тех, на которых была прикреплена мраморная доска с надписью: «Русские ворота 1854».

Сохранялись, судя по газетам, в те годы, и валы осадных батарей, построенных артиллеристами Гудовича и восстановленных в 1828 году при последней осаде Анапы.

Окончательно же городские укрепления, как и русские батареи, были скрыты в первые годы советской власти, в ходе этих работ были найдены в валах некоторые предметы прошедших веков в виде каменных плит, черепицы, надгробий и даже пушек, зарытых в разные годы при оставлении Анапы русскими войсками.

Конечно, беспощадное время и деяния горожан раздергали листы из истории Анапы, хотя в ней кроме Русских ворот, сохранился и старинный храм (бывшая мечеть), и имена знаменитых людей прошлого, когда-то посетивших Анапу и проезжавших под сводами тогда еще прочных Русских ворот.

Недавно я посетил этот памятник истории и фортификации, чтобы вновь прикоснуться к памятным местам моей офицерской юности. Стоял я, смотрел на воротный проем, сложенный из каменных блоков, по которому, по словам современницы, грохоча коваными колесами, промчалась коляска, уносящая четвериком 30 сентября 1837 года императора Николая Павловича после посещения Анапы к Бугазской переправе, и далее через Тамань, в Крым.

А перед этим Наместник Кавказа граф М. С. Воронцов, победитель Наполеона при Красном, высадившись с корвета «Ифигения», осматривая Анапу, проходил и через городские ворота, чтобы осмотреть город со степи.

Я представил, как со стороны Тамани вместе с оказией прибыл к воротам опальный поручик М. Ю. Лермонтов, переведенный на службу в Тенгинский пехотный полк, о чем поведал в своих записках декабрист Н. Лорер. И было это под самый новый 1841 год. В те же годы через ворота неоднократно проезжал начальник Черноморской береговой линии генерал Н. Н. Раевский-сын. Бывали здесь и атаманы Черноморского казачьего войска Ф. Я. Бурсак, А. Д. Бескровный и Г. И. Филипсон. Не раз видели ворота начальника Натухайского округа генерала П. Д. Бабыча, отца последнего атамана Кубанского войска генерала

М. П. Бабыча, убитого в дни красного террора в Пятигорске, под Машуком, где встретил свой смертный час и поэт России поручик М. Ю. Лермонтов.

Но для того, чтобы представить, хотя бы частично, подвиг русских воинов при разорении разбойничьего гнезда, я предлагаю пройти вдоль несуществующего городского вала старой Анапы и осмотреть местный музей. Там, кроме любовно оформленных стендов, можно осмотреть и пушки, некогда стоящие на бастионах Анапы. А если вы, осмотрев музей, выделите время для знакомства со стоящим у каменистого обрыва маяком, то представьте, как на этом месте возвышались одетые камнем валы прибрежного полубастиона. Рядом с маяком видна спускающаяся к морю лощинка, остаток оборонительного рва Анапы, вырубленного в каменистом грунте и засыпанного при строительстве маяка.

История сохранила сведения о том, как на этом месте русские воины выполнили заветы великого Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай!» Так, в пасмурный день 28 мая 1828 года левое крыло русского десанта прижало к обрыву большую толпу турок, завязав с ними рукопашный бой. В этой схватке командиру роты егерей капитану Томиловскому пришлось рубиться с турецким офицером на саблях. Турку не повезло, и он, падая в обрыв, под которым с грохотом разбивались морские волны, потянул за собой и Томиловского, который успел перехватить у турка его богатую саблю и, зацепившись за скалистый выступ, удержаться от падения на прибрежные камни. Турки, стоящие на валу, заметив висящего над обрывом русского офицера, открыли по нему ружейную пальбу. Изнемогая от полученных ран, Томиловский молился Богу, готовясь к смерти. И вдруг он услышал: «Ваше благородие, держитесь!» Подняв голову, офицер увидел, как два солдата из его роты, несмотря на град пуль, щелкавших о камни обрыва, пытались подать ему свои ружья. К несчастью, один из них сорвался и молча рухнул на прибрежные камни. Второй же, возвратившись, снял с убитых турок несколько поясов и, связав их, втащил с помощью других солдат своего ротного командира наверх.

К несчастью, раны Томиловского оказались при тогдашней медицине смертельными, и он спустя несколько дней скончался. Приходится сожалеть, что как и его могила, так и имена героев-егерей, проявивших самоотвержен-

Бывшая мечеть, а ныне храм Св. Онуфрия и Петра Афонского.
Современный вид.

Анапа. Русские ворота. Вид с поля. После реставрации.

ность при спасении своего командира, так и канули в неизвестность.

Сейчас нет никакой возможности, чтобы установить, кто же виноват в том, что из книги истории Анапы вырваны многие листы, которые я попытался восстановить, чтобы выяснить, почему от некогда грозных фортификационных сооружений Анапы сохранились только Русские ворота да примыкающая к ним со стороны моря низина, остаток оборонительного рва города. О том, что Анапа была когда-то крепостью, напоминает ныне и улица Крепостная, сохранившая начертание старинной внутренней дороги, связывающей между собой городские бастионы, да оборонительные ворота.

Можно сказать, что Анапе повезло хотя бы в том, что время сохранило Русские ворота, ибо они и после 1828 года не раз подвергались давлению железного катка войны. Били по ним пушки англо-французов в Крымскую войну, бил из орудий главного калибра 2 января 1877 года турецкий броненосец из эскадры Гобарт-паши, оставив на память несколько неразорвавшихся снарядов. Сыпались на Русские ворота и авиационные бомбы в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Но ничего в мире вечно нет, ибо и ворота, не выдержав всех этих потрясений, стали разрушаться.

Прошло довольно значительное время, пока были найдены деньги не на косметические ремонты, а на полную реставрацию молчаливого свидетеля побед русского оружия. Этот сложный даже по нынешним временам вопрос пришлось решать кардинально, причем тяготы по спасению Русских ворот взяли на себя городские власти и Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. В результате — памятник был спасен.

В начале реставрации Русские ворота представляли из себя в плане прямоугольник 10,6x10,2 м с 3-арочным проездом, стены которых были сложены из каменных блоков на известковом растворе, имеющих высоту в 7,9 м. Осмотр стен показал, что северная и южная части ворот имели значительные заполнения утраченных участков кирпичом и известковым бутом на цементно-песчаном растворе. Кроме этого были отмечены трещины всех стен, что вызвало самопроизвольное выпадение из них камней. В общем утраты составляли до 30%.

План реставрации Русских ворот разрабатывался в Белорусском проектно-институте. В ходе реставрационных работ каменную кладку ворот пришлось разобрать с маркировкой, проведя физико-химическую очистку всех блоков от поражений их мхами и лишайниками. Вот тогда рабочие, разбиравшие фундамент ворот, и обнаружили неизвестное истории коллективное захоронение русских воинов. После окончания сборки ворот на месте захоронения была установлена каменная надгробная стела с надписью:

**Здесь покойтся прах русских
воинов, павших у стен Анапы
в 1788—1828 гг.**

После расспроса старожилов удалось установить, что это захоронение было проведено еще перед 1-й мировой войной, когда в Русских воротах размещалась часовня. Что касается останков воинов, то они были случайно найдены при земляных работах в урочище Чембурка, в 4 верстах с-в Анапы. Здесь, на небольшой возвышенности, при строительстве Анапы турки ломали камень, и тут же в печах выжигали известь, которые и были использованы при кладке оборонительных сооружений города, в том числе и Шегакских ворот.

Еще в 20-е гг., т. е. в первые годы советской власти, часовня, размещавшаяся в Русских воротах, была ликвидирована, а воинское захоронение утеряно. И вот спустя целую жизнь справедливость все же восторжествовала, и памятник побед русского оружия, и место упокоения воинов, принесших России эти победы, восстановлены для будущих поколений горожан и гостей Анапы.

Что до названия урочища Чембурка, то оно уходит в далекие годы начала прошлого века, когда Анапа, войдя в состав России, начала принимать в свои стены переселенцев из России и Украины. А для того, чтобы они, работая в степи или беря воду в речке Анапке (быв. Бугур), не подвергались нападениям со стороны немирных горцев, то вокруг Анапы была построена цепь небольших укреплений. Одно из них и было возведено на пологой возвышенности, где виднелись еще остатки турецких обжигательных печей. А так как первый гарнизон в этом укреплении, состоящем из редута и каменной башни, был от Нашен-

бургского пехотного полка, то укрепление и получило официальное наименование — «Нашенбургская батарея». Называлась она иногда и башней. Шли годы, и со временем трудное для русского человека немецкое слово было упрощено на более понятное — Чембурка.

История не сохранила нам сведений о больших сражениях в районе Чембурки, но они, конечно, были, только мелкие, причем когда на тыловое охранение нападала со стороны степи черкесская конница. Да к тому же, рядом проходила коммуникационная дорога Анапа — Тамань, которая часто подвергалась нападениям бродячих шаек абреков. А может, воины, похороненные в воротах, погибли и не от оружия, а от какой-нибудь болезни? Но история молчит.

И ныне, когда политики, националисты и сепаратисты, коварно растащившие СССР по своим национальным куткам, принялись растаскивать и Россию, которую государи московские собирали веками, спасенные для государства Российского Русские ворота напоминают нам слова Игоря Талькова, поэта и барда, погибшего от рук иноплеменника, укрывшегося за рубежом:

Из мрачной глубины веков
Ты поднималась исполином.
Твой Петербург мирил врагов
Высокой доблестью полков
В век золотой Екатерины...
Россия...

Будем надеяться, что недалеко то время, когда «Россия вспрянет ото сна», и Анапа с ее историческими памятниками, известная всему миру как детская лечебница, вновь заполнится счастливым смехом детей всех братских народов, населяющих наше многонациональное государство.

Вместо эпилога

Хотя Турция непосредственно и не граничит с Россией по суше, людей, в упор не замечающих нашу страну и существование границы, там немало. Так, лидер Партии национального движения (ПНД) Альпарслан Тюркеш и ныне мечтает о воссоздании великого Тюркского государства, в

которое вошли бы земли от Западного Китая до Балкан, а на севере — вплоть до Финляндии. России, соответственно, в его планах места не нашлось. Каков А. Тюркеш!

П р и м е ч а н и я

1. Исторические записки. 1938 г. — № 3. — С. 77.
2. Н. И. Веселовский. Военно-исторический очерк Анапы. ПГД. 1914. С. 8.
3. Второй генеральский чин.
4. Н. И. Веселовский. Там же. С. 13.
5. Полный генеральский чин.
6. И далее все даты по старому стилю.
7. Укрепленный лагерь.
8. Временное укрепление из тесно установленных телег и фур.
9. В. А. Потто. Кавказская война. Том 1. С. 172.
10. В. А. Потто. Там же.
11. Личная разведка противника.
12. Вязанки хвороста для забрасывания оборонительного рва.
13. Корзины без дна, заполненные землей.
14. Передовые посты.
15. Земляное оборонительное сооружение.
16. Кратковременная остановка войск на марше.
17. Площадки для установки пушек.
18. Промежуток стены или вала между соседними бастионами.
19. Особые щипцы для зажима палительного фитиля.
20. Низкая каменная стена с зубцами.
21. Наружная сторона оборонительного вала.
22. Забор из бревен, на 1/3 закопанных в землю.
23. Л. Г. Бескровный. Хрестоматия по русской военной истории. М. 1947. С. 160.
24. «Стой! Кто идет?» (тур.).
25. В. А. Потто. Там же. С. 64.
26. Малый сторожевой пост.
27. Заложники.

Список использованной литературы

1. Г л и н к а Ф. Поход генерала Б... (Ю. Б. Бибикова) в Закубанские горы против черкес и турецкой крепости Анапы // Военный журнал. 1818. Кн. 8—9.
2. Генерал-фельдмаршал гр. Гудович Иван Васильевич // Кавказцы. Изд. С. Новоселова. — СПб. 1858. Вып. 17—22.
3. Действия Кубанского и Кавказского корпуса за Кубанью в августе и сентябре 1788 г. и экспедиция в Анапу // Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. 1787—1791. — СПб. 1880. Т. 1.
4. Д у б р о в и н Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. — Т. 2. СПб. 1886.
5. З и с с е р м а н А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка, 1726—1880. — СПб. 1881. Т. 1.
6. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии: к 100-летию занятия Тифлиса русскими войсками 26 ноября 1799 г. Под ред. В. А. Потто. — Тифлис, 1889.
7. Л у к ь я н о в и ч. Описание турецкой войны 1828—1829 гг. — СПб. 1845. Ч. 1.
8. Материалы для истории Северного Кавказа 1787—1792 // Кавказский сборник. 1896. Т. 17. 1897. Т. 18.
9. Н и к о л а е в Н. Взятие Анапы и разорение князя Айдамира // Разведчик. — 1896. Т. 4.
10. Н о в и ц к и й В. Анапа и закубанские поселения: ист. очерк города, заселения окрестностей // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. — Тифлис. 1873. Кн. 2.
11. Н о в и ц к и й Г. Воспоминания (1829—1830 гг.) воспитанника 1-го выпуска артиллерийского училища // Военный сборник. 1871. № 2.
12. Описание турецких и горских укреплений, покоренных победным русским оружием в Европе и Азии в 1828 г. от начала войны против турок до настоящего времени с планом крепости Анапы. М. 1828.
13. П е т р о в А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II, 1787—1791 гг. — В 2-х т. СПб. 1889.
14. П о т т о В. А. Кавказская война. — Ставрополь. 1994. Т. 1—2.
15. Ф е о ф и л а т о в а Т. М. На военных дорогах Кубани. — Краснодар. 1992.

Виктор Александрович Соловьев

РУССКИЕ ВОРОТА

Технический редактор *В. В. Иванова*
Корректор *Н. Ш. Псеунок*

ЛР № 010194 выдана 22.05.97 г.

Сдано в набор 17.03.2000 г. Подписано к печати 3.05.2000 г. Формат бумаги 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л 3,36. Учетно-изд. л. 3,53. Тираж 1000 экз. Заказ 45. «С» — 388.

Гигиеническое заключение № 24.КК.02.953.П. 0319109.99. от 15.09.99

Отпечатано на государственном унитарном предприятии
«Издательство «Советская Кубань»
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106.

Соловьев Виктор Александрович — уроженец Дона, большую часть детства и юношества провел в станице Митякинской. С 1943 по 1960 г. служил в армии. Участник Великой Отечественной войны. В 1948 году окончил Краснодарское артиллерийско-минометное училище. Разминировал Голубую линию и побережье Черного моря от Анапы до станицы Благовещенской. После увольнения в запас окончил исторический факультет Краснодарского педагогического института. Автор книг "Суворов на Кубани", "Екатеринодарская крепость" и "Подвиг сотни Гречишкина".

Историк-краевед. Почетный гражданин города Краснодара.